ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

КОРРУПЦИЯ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ: ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА[1]

Вадим Витальевич Устюжанин [а] (vvustiuzhanin@hse.ru)
Максим Сергеевич Костин [а] (maksimkostin333@gmail.com)
Леонид Ефимович Гринин [аб] (leonid.grinin@gmail.com)
Андрей Витальевич Коротаев [авг] (akorotayev@gmail.com)

[а] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
[б] Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
[в] Институт Африки РАН, Москва, Россия
[г] Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Цитирование: Устюжанин В.В., Костин М.С., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (2023) Коррупция и революционная дестабилизация: опыт количественного анализа. *Журнал социологии и социальной антропологии,* 26(3): 53–99.
https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.3. EDN: YTNMDC

Аннотация. Исследователи факторов революционной дестабилизации к настоящему времени достаточно основательно изучили влияние на вероятность начала революций таких переменных, как тип политического режима, темпы экономического роста или уровень ВВП на душу населения. Однако мало исследованным остается фактор коррупции, несмотря на антикоррупционные лозунги, зачастую выводящие людей на улицы. Как показывает ряд исследований, коррупция может оказывать как положительный эффект на стабильность режима через механизм кооптации контрэлит, так и деструктивный эффект, понижая эффективность государственного аппарата и увеличивая неравенство. Мы проверяем гипотезы о наличии и направлении возможного влияния различных типов коррупции, с одной стороны, и невооруженной, а также вооруженной революционной дестабилизации — с другой. Проведя корреляционный анализ такого влияния, мы выяснили, что все типы коррупции и революционной дестабилизации демонстрируют достаточно сильную положительную корреляцию между собой. Построив таблицы сопряженности, мы также выяснили, что дестабилизация вооруженного и невооруженного типа по-разному реагирует на коррупцию: фиксируются более линейный характер для вооруженных революционных выступлений и достаточно

[1] Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535).

выраженная криволинейность для невооруженных. Результаты исследования позволяют сделать ряд выводов теоретического характера о влиянии коррупции на различные типы революционной дестабилизации, а также подтверждают необходимость включения фактора коррупции при проведении количественных исследований процессов революционной дестабилизации. Причинно-следственные связи между двумя явлениями тем не менее нуждаются в дальнейшем изучении. В заключении мы ставим ряд дискуссионных вопросов, которые могут послужить основой для будущих исследований взаимосвязи коррупции и революционной дестабилизации.

Ключевые слова: коррупция, революции, протесты, ненасильственные кампании, насильственные кампании, кооптация контрэлит.

Введение

Большинство цветных революций XXI в., события «арабской весны» 2011 г., череда антиправительственных революционных кампаний в странах Латинской Америки, Южной и Восточной Европы в 2010-х годах проводились под лозунгами борьбы против неэффективных и коррумпированных политических режимов (см.: Гринин 2012; Гринин, Исаев, Коротаев 2016; Гринин, Коротаев 2020; Гринин, Коротаев 2021; Mitchell 2022; Goldstone et al. 2022). Некоторыми авторами коррупция указывается в качестве одной из самых частых причин антиправительственных выступлений последнего десятилетия (см., например: Oritz et al. 2022). Коррупция в данном контексте обычно является системной, а иногда и ведущим элементом в системе. Соответственно она всесторонне влияет на социально-экономическое развитие, эффективность политических институтов и баланс сил между политическими акторами. В то же время коррупция резко усиливает неравенство в обществе, закрывает социальные лифты, попирает понятие справедливости и законности. Естественно, что такого рода системная коррупция может оказывать мощное влияние на рост недовольства и массовость революционных протестов против действующего политического режима и его конкретных представителей. Таким образом, уровень и системность коррупции, а также отношение населения к коррупции в целом и в данный конкретный период являются важными факторами, от которых зависит политическая стабильность режима.

В то же время те или иные проявления коррупции могут выступать и в качестве триггера (например, коррупционные скандалы) к революционным антиправительственным выступлениям, особенно в совокупности с другими претензиями к власти. Коррупционный скандал в этом случае может являться той «последней каплей», которая служит поводом для

выхода недовольных на улицы. Например, в 2015 г. на фоне экономической рецессии коррупционный скандал в бразильской государственной нефтяной компании Petrobras привел к массовым антиправительственным выступлениям, закончившимся отставкой президента Дилмы Руссеф (эти события можно рассматривать как аналог революции) (von Bülow 2017; Oliveira 2020). Амнистия чиновникам, осужденным по делам о коррупции, привела к возобновившимся квазиреволюционным антиправительственным протестам в 2017 г. в Румынии[1], где до этого уже наблюдались мощные протестные антикоррупционные кампании в 2012–2015 гг. (Adi, Lilleker 2017). В соседней Болгарии в 2020 г. обвинения в связях между олигархами и действующей властью, позволявшей им использовать государственную собственность для частных целей, привели также к крупнейшим с 2013 г. квазиреволюционным протестам с целью отставки правительства (Костин 2020). В 2019 г. антикоррупционные протесты прошли в Египте после появления информации о том, что действующий президент Аль-Сиси использовал государственные средства для персональных нужд (Коротаев, Исаев и др. 2019). Эти и многие другие примеры ярко демонстрируют, как те или иные конкретные проявления системной коррупции могут выступать в качестве непосредственного повода для народных революционных и квазиреволюционных выступлений.

Однако более интересным является структурное влияние коррупции на уровень социально-политической нестабильности. Это особенно важно для понимания революционных процессов, происходящих на постсоветском пространстве. Коррупция рядом авторов называется в качестве одной из основных причин так называемых цветных революций на постсоветском пространстве (здесь можно назвать оба украинских «майдана», «революцию роз» в Грузии, ряд революций в Киргизии и других странах; см., например: Макаренко 2005; Tucker 2007; McFaul 2007; Mitchell 2012; Gleditsch et al. 2023). О коррупции в качестве фактора революций и антиправительственных выступлений пишут в контексте изучения событий в Латинской Америке (Machado et al. 2011), на Ближнем Востоке и в Африке (Cherif 2017; Гринин, Исаев, Коротаев 2016). Коррупция может влиять как на легитимность власти в глазах элит и населения, так и на уровень социально-экономического развития и социально-экономического неравенства, что также связано с социально-политической стабильностью. При этом исследователи отмечают, что высокий уровень коррупции не всегда приводит к революционной дестабилизации: среди высоко коррумпи-

[1] М. Бейсинджер даже склонен рассматривать их в качестве революционного эпизода (Beissinger 2022).

рованных стран есть как нестабильные, так и вполне стабильные государства (например, Туркменистан или Индонезия), а среди стран с низким уровнем коррупции также случаются эпизоды революционной и квазиреволюционной дестабилизации (например, Оман, Иордания или Бахрейн в контексте событий «арабской весны») (Grinin, Korotayev 2022a; Nur-Tegin, Czap 2012). Некоторые авторы отмечают, что политическая коррупция даже может быть стабилизирующим фактором, ввиду того что она позволяет кооптировать оппозиционные контрэлиты в правящую элиту, предлагая экономические выгоды в обмен на политическую лояльность, позволяя контрэлитам получать свою долю «коррупционного пирога» (Le Billon 2003; Fjelde 2009; Szakonyi 2022). Таким образом, связь между уровнем коррупции и революционной дестабилизацией является, скорее всего, нелинейной, и зависит также от ряда сопутствующих факторов, таких как тип политического режима, уровень социально-экономического развития и неравенства. Можно также отметить, что восприятие коррупции как социально нетерпимого состояния для большинства населения усиливается в периоды модернизации общества, так как и в целом в эти периоды общества оказываются более восприимчивы к революционной идеологии и революционным протестам (см.: Гринин 2013; Гринин 2017; Grinin 2013; Grinin 2022). При этом в модернизирующихся странах, даже демократических, условия и возможности для коррупции объективно сильно возрастают по сравнению со стабильными режимами уже по причине быстрых темпов развития, резких перемен, крупных внутренних миграций (в том числе в связи с урбанизацией), ломкой традиционных отношений и т.п. В настоящее время это важно для понимания революционных событий в странах Африки, Ближнего Востока и некоторых других (см., например: Гринин 2021; Коротаев, Гринин и др. 2021а: 18–43; Коротаев, Гринин и др. 2021б: 687–702; Медведев и др. 2022).

В статье проведен количественный анализ соотношения между уровнем коррупции, ее типами и революционными выступлениями вооруженного и невооруженного характера. В то время как существующие эмпирические работы посвящены отдельным аспектам взаимосвязи между коррупцией и революционной дестабилизацией, наш анализ является попыткой системного осмысления имеющихся взаимосвязей: в нем учитываются различные виды коррупции и их взаимосвязь с разными видами революционной дестабилизации (вооруженной и невооруженной).

Литературный обзор

Работа вписывается в ряд количественных исследований, которые изучают факторы, влияющие на революционную дестабилизацию, и кото-

рые мы склонны относить к пятому поколению теорий революции (о первых четырех поколениях см., например: Goldstone 2001; Goldstone et al. 2022b). Нужно отметить, что коррупция нечасто выступает в качестве отдельного фактора, попадающего в поле зрения исследователей революционной дестабилизации: зачастую вместо уровня коррупции используется такой показатель, как тип политического режима (см., например: Brancati 2014; Butcher, Svensson 2016; Chenoweth, Ulfeder 2017; Gleditsch, Rivera 2017; Albrecht, Koehler 2020). Хотя используемые переменные в этих работах в целом включают в себя показатели коррупции (переменные, отражающие тип политического режима из баз данных Polity и V-Dem), они тем не менее не учитывают возможное разное влияние коррупции в зависимости от политического режима, например, революционная дестабилизация может происходить в демократиях с высоким уровнем коррупции (Бразилия, Румыния, Болгария, Украина, Индия), причем даже в консолидированных демократиях, как в Южной Корее в 2016–2017 гг. (см. ниже), а в авторитарных странах с еще большей коррупцией она может практически отсутствовать (Туркменистан, Таджикистан XXI в. и т.д.)[1]. Как показывают исследования, коррупция действительно поразному влияет на революционную дестабилизацию в зависимости от типа политического режима (Nur-Tegin, Czap 2012; Fiede, Hegre 2014), в связи с чем нам представляется важным включать в анализ оба фактора. Существующие эмпирические исследования, как правило, подтверждают наличие взаимосвязи между различными типами социально-политической дестабилизации и уровнем коррумпированности.

Исследования демонстрируют, что есть положительная статистически значимая связь между коррупцией и насильственной/вооруженной дестабилизацией. Как показывает опыт анализа факторов дестабилизации в афразийской макрозоне нестабильности при помощи машинного обучения, коррупция, операционализируемая в качестве индекса политиче-

[1] Отметим также, что в случае деконсолидации либеральной демократии может усиливаться как коррупция, которая приобретает степень системной, так и сила протестов против коррупционной власти или политической верхушки. Такие процессы перехода от консолидированной к деконсолидированной демократии уже длительное время, по крайней мере с 2016 г., наблюдаются в США (см., например: Жданов 2020; Zhdanov, Korotayev 2022). Дональд Трамп в 2016 г. пришел к власти на гребне недовольства политическим эстеблишментом, включая и его коррупцию. Лозунг Трампа «очистить вашингтонское болото» как раз относился к последнему. При этом усиление дестабилизационных процессов, включая коррупцию, поставило в 2020 г. США в ситуацию практического возникновения там революционной ситуации (см.: Гринин 2020).

ской коррупции и уровня исполнительной коррупции V-Dem, оказывается значимым предиктором террористической активности (Медведев и др. 2020; Коротаев, Гринин и др. 2021: 199–247). Авторы отмечают, что коррупция в данном случае играет дестабилизирующую роль. Кроме того, с использованием методов машинного обучения показано, что в качестве важных факторов невооруженной революционной дестабилизации выступают индексы коррумпированности режима, судебной коррупции, коррумпированности исполнительной власти, политической коррупции и коррупции в государственном секторе V-dem, а в качестве важных факторов вооруженной революционной дестабилизации выступают индексы судебной коррупции, политической коррупции и коррупции в государственном секторе V-dem (Медведев, Коротаев 2021; Медведев и др. 2022).

Уровень коррупции, операционализируемый как место страны в рейтинге Transparency International, показал себя в качестве значимого предиктора попыток вооруженного свержения власти как революционным путем, так и посредством государственных переворотов (Гринберг и др. 2017; Коротаев и др. 2019). При этом, как отмечают авторы исследования, по мере роста благосостояния, уровень коррупции снижается, а уровень политической стабильности увеличивается. Более высокие уровни коррупции способствуют возникновению внутригосударственных вооруженных этнических конфликтов, так как коррупция углубляет существующее неравенство между этническими группами на социально-экономическом и политическом уровне (Neudorfer, Theuerkauf 2014). Вместе с тем, при том что коррупция в целом повышает риски внутренних конфликтов, ее высокий уровень в богатых нефтяными ресурсами государствах снижает риски появления гражданских войн ввиду механизма кооптации контрэлит (Fjelde 2009). Таким образом, проведенные исследования подтверждают наличие взаимосвязей между уровнем коррупции и политической дестабилизацией в вооруженном виде: гражданскими войнами, терроризмом и вооруженной революционной дестабилизацией.

Используя показатель коррупции исполнительной власти (V-Dem), Марк Бейсинджер находит положительную значимую связь между уровнем коррупции и невооруженными революционными кампаниями, которые в работе концептуализируются в качестве «городских гражданских» (*urban civic*) революционных выступлений (Beissinger 2022). При этом автор не находит взаимосвязи между социалистическими революциями, направленными на изменение отношений собственности, и коррупцией, что может свидетельствовать о том, что коррупция способствует революционной дестабилизации с целью свержения политического режима, но не социа-

листическими движениям за изменение отношений собственности. Количественный анализ факторов, повлиявших на возникновение «арабской весны», показал значимую роль инфляции (особенно так называемой агфляции), образования, низкого уровня свободы, более высокого процента использования интернета, мобильных телефонов и уровня коррупции (Massoud et al. 2019; Korotayev et al. 2014; Grinin, Korotayev 2022a; Малков и др. 2013). Коррупция показала себя как значимый предиктор дестабилизации и при количественном анализе революционной волны 2013–2014 гг. (Коротаев и др. 2015; Korotayev et al. 2015). Из этого следует, что коррупция, наряду с социально-экономическими трудностями, слабой вертикальной социальной мобильностью (отсутствием социальных лифтов и связанной с этим депривацией /Коротаев, Шишкина и др. 2019; Korotayev, Shishkina 2020/) и определенными режимными характеристиками, может негативно сказываться на политической стабильности. Найдена также обратная связь: политическая стабильность наравне с демократическим типом режима имеет отрицательную связь с уровнем коррупции (Nur-Tegin, Czap 2012)[1]. Существуют также исследования, которые говорят о том, что, напротив, уровень коррупции не оказывает влияния на революционную дестабилизацию в целом (Goldstone et al. 2010), не влияет на перетекание ненасильственных протестов в насильственные (Iwes, Lewis 2020), а более высокая коррупция при высоких темпах экономического роста имеет отрицательную связь с вероятностью возникновения демократических протестов (Brancati 2016)[2].

Таким образом, существующая академическая литература дает противоречивые результаты: ряд работ говорят о наличии позитивной связи между коррупцией и революционной дестабилизацией, в то время как в других фиксируется возможный обратный эффект (высокая коррупция в определенном контексте снижает риски дестабилизации) или отсутствии статистической взаимосвязи. При этом, как правило, в фокус исследователей подпадают вооруженные формы дестабилизации, в то время как публикации о взаимосвязях между коррупцией и ненасильственным/невооруженным типом революционной дестабилизации менее распространены.

При этом очень важно разделять вооруженные и невооруженные революционные выступления, поскольку, как было убедительно показано

[1] Полагаем, что это относится и к социальной стабильности.

[2] Однако некоторые случаи, в частности так называемая оранжевая революция 2004 г. на Украине (при очень высоких темпах экономического роста), противоречат этой идее (см. также: Beissinger 2022).

к настоящему времени, уровни рисков их начала связаны с действием существенно разных факторов, когда позитивный предиктор вооруженного революционного выступления может оказываться негативным предиктором выступления невооруженного и наоборот (Устюжанин, Гринин и др. 2022; Устюжанин, Жодзишская и др. 2022; Устюжанин и др. 2023; Жданов, Коротаев 2022; Goldstone, 2004; Chenoweth, Stephan 2011; Butcher, Svensson, 2016; Chenoweth, Ulfelder, 2017; Gleditsch, Rivera, 2017; Dahl et al. 2020; Beissinger 2022).

Как уже упоминалось, большое число количественных работ, посвященных факторам революционной дестабилизации, в принципе не рассматривает отдельно фактор коррупции, заменяя его переменными, связанными с типом политических режимов, что не позволяет учитывать разное влияние, которое коррупция может оказывать на стабильность в зависимости от типа режима и типа революционной дестабилизации. В этой связи наша работа предлагает рассматривать оба типа революционной дестабилизации — вооруженные и невооруженные революционные выступления — по отдельности, используя различные индикаторы коррупции, что позволит понять, какие измерения коррупции могут считаться предиктором революционной дестабилизации с учетом ее формы.

Концептуализация понятий

Известный теоретик революций Джек Голдстоун справедливо отмечает, что существует множество трактовок понятия «революция» в зависимости от вовлеченных акторов и причин, и приводит следующее определение: «Революция — это попытка трансформировать политические институты и узаконить политическую власть, прибегая при этом к формальным или неформальным методам массовой мобилизации и внеинституциональным действиям, направленным на подрыв существующего порядка» (Goldstone 2001: 142). Схожее определение дает Джордж Лоусон (Lawson 2019: 5): «Революция — коллективная мобилизация с целью попытки быстро и насильно свергнуть существующий режим для трансформации политических, экономических и символических отношений». Еще одно определение революционной дестабилизации также подчеркивает антиправительственный характер революций, массовость (что отличает революции от переворотов) и готовность к существенному изменению существующей системы: «Революция — антиправительственные (очень часто нелегальные) массовые акции (мобилизация), преследующие следующие цели: (1) свержение или смена существующего правительства в определенный период; (2) захват власти или создание условий для приходу к власти; (3) внедрение значительных изменений в политическом режиме,

социальных или политических институтах» (Goldstone, Grinin, Korotayev 2022: 50–51; см. также: Гринин, Коротаев 2020; Гринин, Коротаев 2021; Голдстоун и др. 2021; Голдстоун и др. 2022). Таким образом, важнейшие признаки революций со стороны участия — массовость, со стороны целей — преобразование прежде всего политических отношений, с точки зрения методов — свержение существующего политического режима.

Революционная дестабилизация разделяется на типы в зависимости от превалирующих используемых методов, применяемых в рамках революционных событий. Во многом современная терминология базируется на концепции насильственных и ненасильственных кампаний, которую разработала Эрика Ченовет. Определение «кампания» используется в целом ряде работ, посвященных революционной дестабилизации (Ackerman, Karatnycky 2005; Stephan, Chenoweth 2008; Stradiotto, Guo 2010; Chenoweth, Stephan 2011; Celestino, Gleditsch 2013; Butcher, Svensson 2016; Chenoweth, Ulfelder 2017; Kim, Kroeger 2019). Кампании определяются как «серия наблюдаемых продолжительных массовых выступлений с политическими целями» (Chenoweth, Stephan 2011: 14), причем эти цели являются «максималистскими», т.е. фундаментально меняющими политический порядок, такие как «смена режима, борьба против оккупации или отделение» (Chenoweth, Stephan 2011: 68). Нетрудно заметить, что концепция «максималистских кампаний» тождественна вышеупомянутым определениям революций. При этом термины «насильственные» и «ненасильственные кампании» могут вводить в заблуждение. Как справедливо отмечают Кадивар и Кечли (Kadivar, Ketchley 2018), участники так называемых ненасильственных кампаний зачастую используют невооруженное насилие, которое не подпадает под классификацию «насильственных» у Ченовет, так как в сущности под разделением на уровни насилия она понимает прежде всего вооруженный/невооруженный тип. В этой связи в работе мы будем использовать термины «вооруженные» и «невооруженные», ввиду их большей корректности.

Как и в случае с революциями, существует множество определений понятия «коррупция». В наиболее лаконичной формулировке под коррупцией подразумевается злоупотребление властью для получения личной выгоды (Nye 1967; Bardhan 1996; Svensson 2005).

В академической литературе коррупция также подразделяется на формы, которые включают в себя различные методы и разных вовлеченных акторов, осуществляющих коррупционную деятельность. Так, выделяются следующие формы коррупции (Andvig et al. 2001):

— взяточничество (*bribery*) — платеж, осуществляемый за предоставление определенных коррупционных услуг, например заключение госу-

дарственных контрактов с заинтересованными лицами или предоставление льгот в обмен на денежные средства, минуя официальные процедуры;

— хищение (*embezzlement*) — присвоение средств организации или института теми, кто эти средства контролирует, и использование их в личных целях, например присвоение денежных средств, выделенных на государственные закупки, ответственными за данное направление лицами;
— мошенничество (*fraud*) — экономическое преступление, связанное с манипулированием информацией для получения личной выгоды;
— вымогательство (*extortion*) — приобретение средств и ресурсов путем оказания давления (силового или психологического);
— фаворитизм (*favouritism*) — злоупотребление властью через распределение государственных ресурсов для личных целей приближенному, лояльному кругу лиц;
— непотизм (*nepotism*) — подвид фаворитизма, при котором, например, государственные средства или должности распределяются правителем между членами семьи и другими его родственниками и свойственниками.

Такое разделение указывает на существование различных типов коррупции в зависимости от вовлеченных в нее акторов и затрагиваемых ею сфер. В контексте исследования мы не рассматриваем коррупцию в бизнесе или бытовую коррупцию, а фокусируемся главным образом на коррупции в государственных структурах, связанной с использованием чиновниками и политиками своего положения во власти для продвижения частных интересов. Иными словами, нас интересует политическая коррупция (или коррупция, так или иначе связанная с участием в государственной власти и/или политических институтах) и ее различные формы.

Формы коррупции выделяются в зависимости от подхода исследователей — речь идёт об институциональном, транзакционном, системном и мотивационном подходах (подробнее о каждом подходе см.: Morris 2011). Мы не будем подробно останавливаться на каждом из них, однако отметим, что в данном исследовании мы опираемся на институциональный подход, где формы коррупции выделяются в зависимости от того, в какой институциональной плоскости (*institutional location*) они находятся: судебная сфера, законодательная, исполнительная (Morris 2011). Таким образом, в рамках исследования нас интересует степень коррупции, измеряемая на уровне государственных институтов. Если формальные институты (в смысле нормы и правила) в сущности представляют установленные государством законодательные рамки и нормативные ограничения

(Williamson 2009), то уровень коррупции может свидетельствовать о степени распространения неформальных практик, т.е. не поддающихся государственному регулированию норм. Коррупция в этом смысле может рассматриваться в качестве «патологии общественного порядка» и «провала институтов» (Ceva, Feretti 2021), т.е. уровень коррупции отражает качество политических институтов, насколько соблюдается принцип верховенства права и насколько эффективно институты участвуют в распределении средств для достижения общественных целей.

Взаимосвязь коррупции и революционной дестабилизации: теоретические обоснования

Исходя из определения коррупции как злоупотребления положением во власти справедливым будет предположение, что коррупция усиливает социально-экономическое неравенство (что подтверждается рядом количественных исследований: Gupta et al. 2002; Jong-Sung, Khagram 2005; Policardo et al. 2018) и психологическую депривацию. Если коррупция является серьезным пороком государственных институтов, это может говорить о том, что страны с высоким уровнем коррупции имеют неэффективные в ряде очень важных аспектов политические институты, в частности в отношении к более справедливому распределению доходов (Dzhumashev 2014; Sánchez, Goda 2018), а также в отношении возможностей людей реализовать свои потенции за счет успешной карьеры. Всё это в совокупности может сказаться на доверии к власти и в итоге на ее легитимности, на выполнении ею необходимых функций и, следовательно, на уровне поддержки власти со стороны общества и разных элитных групп. Высокий уровень коррупции может восприниматься в обществе как признак несправедливости существующего порядка, особенно в условиях сильного социально-экономического расслоения. Это, в свою очередь, может стать предпосылкой к революционной дестабилизации, ведь именно потеря легитимности, наряду с ослаблением государства и наличием значимой политической альтернативы, ведет к образованию революционной ситуации, когда необходимо только событие-триггер, чтобы недовольство властью вылилось в массовые восстания (Rozov 2022; Гринин 2020).

Коррупция может являться предпосылкой революционной дестабилизации ввиду действия разного рода механизмов и связей, прежде всего через связь между коррупцией и социально-экономическим развитием. Как отмечает Дж. Лоусон, революционные выступления могут начаться тогда, когда оппозиция успешно убеждает общество в том, что неравенство и бедность связаны напрямую с действиями политического режима —

коррупцией, должностными преступлениями, репрессиями и т.д. (Lawson 2019). Таким образом, ключевым фактором здесь выступает не только наличие коррупции самой по себе, но и убежденность общества в том, что различные социально-экономические трудности связаны именно с действиями и характеристиками режима, в том числе с его коррумпированностью и неспособностью измениться без силового воздействия. Действительно, ухудшение благосостояния или тяжелое социально-экономическое положение на фоне информации о распространенности коррупции во властных структурах может сильно ударить по легитимности политического режима. Например, на фоне высокого уровня молодежной безработицы в Тунисе публикации в Wikileaks и других ресурсах документов, подтверждающих факты коррупции среди высшего руководства страны (в частности, семьи президента Бен Али), подготовили почву для недовольства, которое вылилось на улицы Туниса после акта самосожжения местного торговца Мухаммеда Буазизи. В Бразилии в 2015 г. на фоне экономической рецессии и социально-экономического неравенства разгорелся коррупционный скандал, в котором были, предположительно, замешаны члены правящей Партии трудящихся и действующий президент Дилма Руссеф, что послужило триггером к массовым выступлениям, приведшим в итоге к отставке президента (эти события можно рассматривать в качестве аналога революции). Коррупционный скандал стал причиной массовых протестов в Южной Корее в 2016 и 2017 гг., которые в итоге привели к импичменту, а затем и к уголовному наказанию президента страны Пак Кын Хе. Мы рассматриваем эти события как революционное движение без революции (см.: Голдстоун и др. 2021). В двух беднейших странах Европейского Союза — Болгарии и Румынии, которые по совместительству являются и одними из самых коррумпированных стран в ЕС, в начале 2010-х также прошли массовые квазиреволюционные выступления против действующей власти на фоне антикоррупционной повестки, приведшие к ряду отставок высокопоставленных политиков.

Существующие количественные исследования демонстрируют взаимосвязь между низким уровнем социально-экономического развития и уровнем коррупции, что может быть связано как с эффектом отрицательного влияния коррупции на экономический рост, так и с обратной зависимостью: низкий уровень экономического развития связан с дефективными политическими институтами, стимулирующими коррупцию. Развитые и более богатые страны, как правило, менее коррумпированны (Triesman 2000; Paldam 2002; Dzhumashev 2014). Во многом это может быть связано с тем, что коррупция затрудняет экономический рост, привлечение инвестиций и развитие человеческого капитала (Mauro 1995; Hodge et al. 2011;

Uberti 2022)[1]. Также речь может идти о том, что коррупция повышается в заведомо неблагоприятной экономической и связанной с ней институциональной среде, например там, где экономическая конкуренция и экономическая открытость сильно ограничены (Sandholtz, Koetzle 2000; Lambsdorf 2006), в более бедных странах, где стимулы к коррупции повышаются (Justesen, Bjornskov 2014), или в странах с менее защищенными правами собственности (Acemoglu, Verdier 1998), а также в периоды экономических кризисов и депрессии (см.: Гринин, Коротаев 2017; Гринин, Исаев, Коротаев 2016).

Так или иначе коррупция определенно связана с экономическим развитием и ростом, что, в свою очередь, может оказывать влияние на уровень социально-политической стабильности. Менее экономически развитые страны, находящиеся в процессе ускоренной модернизации (см. выше), имеют в целом бóльшую вероятность возникновения революционной дестабилизации, но это характерно прежде всего для вооруженных революционных выступлений (Besançon 2005; Cincotta, Weber 2021). Невооруженные революционные выступления наиболее вероятны в экономически среднеразвитых государствах (Beissinger 2022; Gleditsch, Rivera, 2017; Dahl et al. 2020; Korotayev et al. 2015; Коротаев и др. 2015; Медведев 2022; Слав, Коротаев 2021; Устюжанин, Михеева и др. 2023). Исследования также показывают отрицательную статистически значимую связь между темпами экономического роста и возникновением революционных ситуаций вооруженного (Beissinger 2022; Butcher, Svensson 2016; Knutsen 2014; Слав, Коротаев 2021; Устюжанин, Жодзишская и др. 2022) и (с некоторыми оговорками) невооруженного (Beissinger 2022; Gleditsch, Rivera 2017; Keller 2012; Медведев и др. 2022) типа.

При этом связь коррупции с политическими институтами и типами политического режима также важна для понимания причин революционной дестабилизации. Так, гибридные и персоналистские авторитарные политические режимы ассоциируются с более высоким уровнем коррупции, чем, например, военные или однопартийные режимы (Pellegata 2013;

[1] В то же время в ряде случаев коррупция заметно не препятствует высоким темпам экономического роста, как это наблюдалось, например, перед революцией 2004 г. на Украине (см. выше), стабильно имеет место в Китае. Однако, как уже было замечено выше, сами по себе высокие темпы роста, с одной стороны, способствуют росту коррупции, а с другой — могут создавать ситуацию завышенных ожиданий у больших слоев населения, которые, поскольку они не оправдываются, могут стать источником депривации и массового недовольства (см. подробнее: Grinin, Korotayev 2022a; Grinin, Korotayev 2022b).

Chang, Golden 2010)[1]. Демократические страны и парламентские системы, как правило, соответствуют более низкому уровню коррупции (Kolstad, Wiig 2016; Jetter et al. 2015; Chong et al. 2020; Goel, Nelson 2021). Во многом это связано с высокой политической конкуренцией и соответственно меньшей концентрацией ресурсов в руках одной политической силы, равно как и с опасностью разоблачения политиков со стороны политических оппонентов, а также в целом с более эффективными институциональными характеристиками, такими как независимость суда и СМИ, обеспечивающими бóльшую прозрачность. Тип политического режима, как уже указывалось, имеет значимую связь с революционной дестабилизацией.

Наиболее подвержены рискам революционной дестабилизации гибридные режимы, или, пользуясь терминологией Стивена Левитски и Лукана Уэя, электоральный авторитаризм — режим, находящийся между авторитаризмом и демократией, при котором демократические нормы действуют, но систематически нарушаются, создавая тем самым неравные правила политической игры (Levitsky, Way 2002: 53). Сосуществование демократических норм и авторитарных практик в подобных режимах создает потенциал для нестабильности, так как правитель не может открыто нарушать существующие нормы для подавления оппонентов, а оппонент не находит другого выхода борьбы за власть, кроме как через вывод сторонников на улицы. Данный тезис подтверждается рядом количественных исследований.

В режимах, которые не являются консолидированными демократиями или полными автократиями, наиболее часто наблюдаются случаи революционной социально-политической дестабилизации (Коротаев и др. 2022). Частичные автократии и частичные демократии демонстрируют положительную связь с различными типами социально-политической нестабильности (Goldstone et al. 2010; Slinko et al. 2017; Korotayev et al. 2021). Продвижение в сторону демократии снижает возможности к возникновению ненасильственных и насильственных протестных кампаний, в то время как движение к анократии / гибридному режиму повышает вероятность как насильственных, так и ненасильственных антиправительственных выступлений (Butcher, Svensson 2016). Более слабые демократические институты являются препятствием к выражению воли граждан, в связи с чем

[1] Но тут надо различать масштаб коррупции при ее безнаказанности и масштаб коррупции в условиях борьбы государства с ней. Масштаб в однопартийных режимах может быть даже больше, но в глазах населения это компенсируется видимостью и публичностью борьбы государства с коррупционерами.

среди организаций гражданского общества повышается склонность к выбору альтернативных методов для выражения своих преференций — выход на улицы (Machado, Scartascini, Tommasi 2009). Всё это говорит о том, что тип политического режима действительно имеет значение для начала революционных выступлений, особенно если политический режим не является ни консолидированной демократией, ни полной автократией (Beissinger 2022; Butcher, Svensson, 2016; Dahl et al. 2021; Keller 2012; Korotayev et al. 2015; Wimmer et al. 2009; Коротаев и др. 2015; Медведев и др. 2022; Слав, Коротаев 2021).

Так как коррупция имеет взаимосвязь с факторами, напрямую влияющими на революционную дестабилизацию, такими как уровень социально-экономического развития и тип политического режима, мы ожидаем следующее:

H1. Более высокие уровни коррупции повышают риск возникновения революционной дестабилизации.

При этом коррупция по-разному влияет на типы революционной дестабилизации в зависимости от разных типов политических режимов. Так, неконсолидированные демократии могут иметь более высокий уровень коррупции, так как чем выше уровень демократии, тем выше способность режима контролировать коррупцию (Chong et al. 2020; см., однако, сноску 1). Между тем недемократические режимы с высокой коррупцией могут быть более стабильными, чем недемократические режимы с низким уровнем коррупции, ввиду механизма кооптации, при котором по причине наличия ресурсов правящему режиму удается приобретать лояльность оппонентов (Fjelde 2009; Fjelde 2014). Механизм кооптации, таким образом, может снижать риски возникновения невооруженной революционной дестабилизации путем «покупки лояльности». Например, подобный механизм действует в странах, богатых природными ресурсами и получающими значительную ренту от их продажи, что позволяет им консолидировать элиты и инкорпорировать контрэлиты, тем самым обеспечивая стабилизирующий эффект (Gandhi, Przeworski 2006; Arezki, Gylfason 2013; Smith 2017; Okada, Samreth 2017). При этом эффективность подобной стратегии зависит от концентрации власти, т.е. там, где установлена слабая власть, имеющая ограниченные рычаги для влияния на элиты/контрэлиты и общество, эффект от коррупции может быть скорее отрицательным (Bjorvatn, Farzanegan 2015). Это также подтверждается вышеприведенными соображениями о том, что наименее стабильными режимами являются гибридные режимы / анократии, т.е. недемократические режимы, где власть не имеет тотального контроля над политической и общественной жизнью. В этой связи мы предполага-

ем, что уровень коррупции будет иметь нелинейную связь с рисками невооруженной революционной дестабилизации, что может объясняться степенью концентрации власти и типом политического режима.

H2. Взаимосвязь между уровнем коррупции и рисками невооруженной революционной дестабилизации носит криволинейный характер: риски невооруженной революционной дестабилизации растут по мере роста уровня коррупции до определенного порога, после которого начинают падать.

При этом с вооруженной революционной дестабилизацией ситуация может выглядеть иначе. Так, коррупция может усиливать межэтнические конфликты на фоне несправедливого распределения власти в полиэтнических государствах, что ведет к гражданским вооруженным конфликтам (Neudorfer, Theuerkauf 2014). При этом в странах, богатых природными ресурсами (к примеру, нефтью), в которых определенные этнические группы не допускаются к власти, вероятность вооруженных этнических конфликтов больше, чем в таких же дискриминационных режимах, но без значимых природных ресурсов (Asal et al. 2016). Это может говорить о том, что при наличии серьезных размежеваний большая коррупция скорее может повышать борьбу за перераспределение ресурсов. В целом появление вооруженных группировок, стремящихся сместить власть, вряд ли может быть предотвращено вышеуказанным механизмом кооптации, так как зачастую революционная дестабилизация подобного типа имеет в своей основе глубокие идеологические противоречия и размежевания, которые едва ли можно разрешить за счет «покупки лояльности», например уже упомянутые межэтнические конфликты, религиозные конфликты или национально-сепаратистские выступления (Basedau et al. 2016; Ustyuzhanin, Korotayev 2023). Тип политического режима здесь тоже важен, так как при демократических режимах революционная дестабилизация вооруженного типа менее вероятна, чем в недемократических режимах (Ustyuzhanin, Korotayev 2023). В этой связи мы ожидаем, что более высокие уровни коррупции будут способствовать возникновению вооруженной революционной дестабилизации, что может обусловливаться типом политического режима и наличием значимых социетальных разломов и дискриминационным характером политического режима:

H3. Уровень коррупции имеет линейную положительную связь с вооруженной революционной дестабилизацией.

Данные и методы

Для проверки гипотез будут использованы базы данных NAVCO 1.3 (Chenoweth & Shay 2020) по максималистским революционным кампаниям и данные проекта *Varieties of Democracy* (*V-Dem*) (Coppedge et al. 2023b)

по уровням коррупции. NAVCO (*Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes*) (Chenoweth, Shay 2020) предоставляет данные по 622 насильственным (вооруженным) и ненасильственным (невооруженным) кампаниям (в используемой нами терминологии — вооруженным и невооруженным типам революционной дестабилизации) с 1900 по 2019 г. Включаемые в базу эпизоды должны иметь число участников более 1000 человек и соответствовать критерием максималистских кампаний / революционных выступлений (см. раздел про концептуализацию). На основе этой базы данных мы создаем две зависимые переменные. Первой переменной является наличие начала вооруженного революционного выступления за определенный год в конкретной стране, когда «1» — начало вооруженного революционного выступления, а «0» — или отсутствие любого события, или невооруженное выступление. Вторая зависимая переменная — наличие начала невооруженного революционного выступления, которое получено тем же образом, однако «1» свидетельствует о невооруженном характере события[1].

В свою очередь, независимые переменные взяты из базы данных V-Dem (Varieties of Democracy) (Coopedge et al. 2023a; Coopedge et al.2023b), полностью покрывающую интересующий нас период с 1900 по 2019 г. Мы используем несколько индикаторов, отражающих различные типы коррупции в зависимости от вовлеченных акторов, где минимальные значения соответствуют низкой коррупции, а максимальные — высокой:

— коррумпированность общественного/государственного сектора — оценка уровня коррупции в госсекторе [0;1];
— коррумпированность исполнительной власти — оценка уровня коррупции в исполнительной власти [0;1];
— индекс политической коррупции — индекс, измеряющий в целом уровень коррупции по всем типам (судебная система, исполнительная власть, законодательная, в общественном секторе) [0;1];

[1] При этом авторы базы данных особо отмечают различия между «ненасильственными» и «насильственными» кампаниями: «Кампании являются в первую очередь ненасильственными, когда подавляющее большинство участников не вооружены и когда они используют в основном ненасильственные методы. <…> Кампании являются преимущественно насильственными, когда большинство участников применяют силу, особенно вооруженную, против режимов и их сторонников» (Chenoweth, Shay, 2020: 6). Другими словами, «насильственные» кампании являются именно «вооруженными», тогда как «ненасильственные» — невооруженными, но иногда вполне с применением насилия (подробнее про вводящую в заблуждение классификацию NAVCO см.: Kadivar, Ketchley 2018 и раздел «концептуализация понятий» настоящей работы).

— коррумпированность режима — оценка того, насколько политики используют свое положение для личного обогащения [–4;4][1];
— коррумпированность судебной системы — оценка уровня коррупции в судебной системе [0;1].

В качестве методов исследования использован корреляционный анализ и меры согласованности между поделенными на децили (т.е. 10 равных по числу наблюдений частей всей выборки) уровни коррупции[2] и количества эпизодов революционной дестабилизации в каждой группе, что даст общее представление о связи между уровнем коррупции и вероятности возникновения того или иного революционного выступления. Также мы будем использовать визуализации таблиц сопряженности, позволяющие показать число революционных выступлений, которые приходятся на разные уровни коррупции, поделенные на секстили (т.е. выборка поделена на шесть равных частей, а не десять, как было до этого). В свою очередь, каждый секстиль можно охарактеризовать как некоторый уровень коррупции, держа в голове, что первый секстиль — это группа самых некоррумпированных стран, а последний секстиль — группа самых коррумпированных. Тогда для простоты можно предложить следующие названия секстилей, которые бы облегчили восприятие:

1. Очень низкий уровень коррупции (16.6 % наблюдений с минимальной коррупцией).
2. Низкий.
3. Средне-низкий.
4. Средне-высокий.
5. Высокий.
6. Очень высокий уровень коррупции (16.6 % наблюдений с максимальной коррупцией).

[1] Для сравнимости мы переводим оригинальную шкалу [–4;4] в шкалу [0;1]. Кроме того, изначальная шкала была «перевернута», когда максимальные значения определяют низкую коррупции. Для сравнимости мы «разворачиваем» шкалу, умножив ее на –1.

[2] Другими словами, переменная, отвечающая за уровень коррупции, отсортирована нами по возрастанию (от самых некоррумпированных к самым коррумпированным наблюдениям) и поделена на равные группы, каждая из которых представляет собой 10 % от исходного числа наблюдений в выборке. Таким образом, в первый дециль попадут 10 % стран, где уровень той или иной коррупции был минимальным. В следующую группу — еще 10 % стран, но уровень коррупции там уже будет выше, и так далее вплоть до последней, десятой группы, где уровень коррупции максимален (топ-10 % наблюдений по уровню переменной). При этом в анализе мы используем средние уровни переменных по каждому децилю, чтобы переменная в анализе оставалась непрерывной, а не категориальной.

Помимо прочего, нами использована логистическая регрессия с контрольными переменными, что необходимо для понимания реальной роли коррупции в революционных процессах. При этом различные типы коррупции взяты нами уже не как определенные группы (секстили или децили), а как непрерывные переменные, как они представлены в базе данных V-dem. Однако, исходя из наших теоретических предположений (см. гипотезы), нам потребуются две разные модели для анализа вооруженных и невооруженных революционных выступлений. Так, у нас есть все основания полагать, что связь между разными типами коррупции и вооруженными выступлениями линейна. Для этого мы будем использовать классическую модель с логистическим типом связи (потому что зависимая переменная бинарная), однако с усовершенствованным методом оценки параметров. Революции, особенно вооруженные, — это крайне редкие события, когда число «0» (революции в стране в определенный год не было) многократно превосходит число «1» (в определенный год в стране началась революция). Следовательно, нам нужно контролировать модель на такой тип данных, который называется несбалансированным (*imbalanced data*). Для этого мы воспользуемся методом, позволяющим уменьшить среднее смещение для параметров регрессии, что позволит точнее оценить стандартные ошибки и сами коэффициенты уравнения (см.: Kosmidis, Firth 2009).

В свою очередь, у нас есть все основания ожидать, что связь между разными типами коррупции и невооруженными революционными выступлениями носит криволинейный характер и представляет собой перевернутую J-образную кривую. С одной стороны, можно было бы ввести в уже описанную логистическую модель полином второй степени, однако такой метод не позволит достоверно описать связь между интересующими нас переменными и все-таки не может описывать предполагаемую перевернутую J-кривую. Поэтому мы используем менее «строгую» модель, которая позволила бы оценить форму связи без введения вручную в модель предположений о форме кривой. Таким методом является обобщенная аддитивная модель (*general additive model*) с логистическим типом связи (опять-таки из-за бинарного характера зависимой переменной), где разные типы коррупции будут моделироваться посредством специфической сглаживающей функции (*smooth term*)[1], когда переменная моделируется при помощи некоторого числа дополнительных параметров —

[1] Мы будем использовать изотропные сплайны со штрафом (*penalized thin plate regression splines*, где ограничивается число степеней сглаживания — дополнительных членов в функции, см.: Wood 2003).

степеней сглаживания. Такой метод позволит нам как оценить значимость разных типов коррупции в уравнении, так и продемонстрировать реальную кривую, определяющую связь между типами коррупции и невооруженными революционными выступлениями.

В качестве контрольных переменных нами выбраны зарекомендовавшие себя в предыдущих исследованиях факторы: ВВП на душу населения, население и уровень электоральной демократии. Описание этих переменных представлено в таблице 1А, в таблице 1Б представлена описательная статистика по всем используемым переменным. В итоге нами будет рассмотрен временной интервал с 1900 по 2019 г.

Таблица 1А

Контрольные переменные

Переменная	Источник	Шкала измерения	Примечание
Индекс электоральной демократии	База данных VDEM (Coppedge et al. 2023b)	От 0 (самый низкий показатель демократичности) до 1 (самый высокий показатель демократичности)	В модели вводится полином второй степени этой переменной, потому что наиболее подвержены нестабильности именно промежуточные режимы (Goldstone et al. 2010; Коротаев и др. 2022). Кроме того, берется лаг этой переменной в один год
Население	База данных *Cross-National Time-Series Data Archive* (Banks, Wilson 2022)	Тысячи человек	Логарифмировано для нормализации и лучшей сравнимости
ВВП на душу	За основу взята база данных Всемирного Банка (World Bank 2023), которая покрывает временной промежуток с 1990 по 2020 г. и к которой мы добавили данные, собранные М. Бесинджером (Beissinger 2022) с целью расширения исследуемого промежутка до 1900 г.	Постоянные международные доллары 2017 г. по ППС	Логарифмировано для нормализации и лучшей сравнимости

Таблица 1Б

Описательные статистики по всем переменным

Переменная	N	Среднее	Стд. отклонение	Min	Max
Вооруженные революции	13726	0.014	0.12	0	1
Невооруженные революции	13726	0.018	0.13	0	1
Коррумпированность режима	11584	0.46	0.32	0.002	0.98
Индекс политической коррупции	11550	0.46	0.3	0.002	0.97
Коррумпированность исполнительной власти	11584	0.46	0.32	0.004	0.98
Коррумпированность общественного сектора	11584	0.44	0.3	0.001	0.98
Коррумпированность судебной системы	11550	0.46	0.18	0.046	0.93
Население	10297	23476	78129	0.53	1 376 258
ВВП на душу	11561	11613	14860	437	120 648
Индекс электоральной демократии	11545	0.41	0.28	0.008	0.93

Примечание: период 1900–2019; рассматривалось 167 стран.

Результаты

По результатам проведенного корреляционного анализа мы видим, что существует сильная положительная связь между всеми типами коррупции и революционной дестабилизации (табл. 2). Об этом свидетельствует значимый уровень корреляции, который для всех типов коррупции составляет около 0.9. При этом наиболее сильная корреляция отмечается между вооруженными революциями и коррупцией в общественном секторе. В целом можно сказать, что в странах с более высоким уровнем коррупции (любым) вооруженные революции происходят чаще.

Таблица 2

Связь между уровнем коррупции и рисками вооруженной революционной нестабильности, децильный анализ

Тип коррупции	r (t-value)	χ2
Коррумпированность общественного сектора	0.939 (7.69)***	58.63***
Коррумпированность исполнительной власти	0.931 (7.22)***	53.92***
Индекс политической коррупции	0.924 (6.84)***	62.25***
Коррумпированность режима	0.911 (6.26)***	60.33***
Коррумпированность судебной системы	0.893 (5.61)***	65.85***

Примечание: *** p<0.001; ** p<0.01; * p<0.1; в скобках приведены t-value; p-value для χ2 рассчитывались при помощи метода Монте-Карло (B=10000).

Мы можем проверить данное утверждение, рассмотрев графическое соответствие таблицы сопряженности (рис. 1). В целом видно, что количество вооруженных революций, которые приходятся на очень низкий и низкий уровни коррупции, крайне мало. Это неслучайно: низкие уровни коррупции, как мы отметили ранее, ассоциируются с более стабильными и демократическими институтами, менее склонными к революционной дестабилизации (особенно вооруженного типа).

При этом наблюдается определенный скачок количества эпизодов вооруженной дестабилизации на средне-низком и средне-высоком уровне для всех типов коррупции. Пиковые значения отличаются в зависимости от типа коррупции. Для всех типов коррупции, кроме политической, наиболее нестабильным отрезком является очень высокий уровень коррупции. Для политической коррупции — это высокий уровень коррупции, который при повышении до очень высокого уровня дает несколько меньше случаев революционной дестабилизации. Данные результаты в целом подтверждают нашу третью гипотезу о линейной положительной связи между высокими уровнями коррупции и повышенными рисками вооруженной дестабилизации.

Связь между невооруженными революциями и различными типами коррупции также является значимой и сильной (табл. 3), хотя и силы этих связей несколько меньше. При этом, в отличие от вооруженных революций (табл. 2), наибольший линейный эффект оказывает коррупция в судебной системе, тогда как наименьший — коррумпированность исполнительной

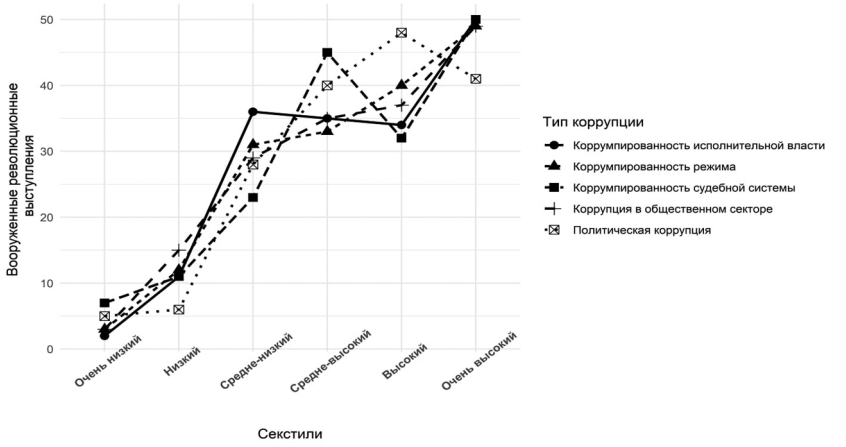

Рис. 1. График распределения вооруженных революционных выступлений по уровням и типам коррупции

власти. Однако тут стоит отметить, что сортировка как в этой, так и в предыдущей таблице приводится по силе линейной связи, а в анализе представлена еще и другая статистика — *хи*-квадрат, по которой наибольшей связью с невооруженными революциями обладает именно коррумпированность исполнительной власти.

Таблица 3

Связь между уровнем коррупции и рисками невооруженной революционной нестабильности, децильный анализ

Тип коррупции	r (t-value)	χ2
Коррумпированность судебной системы	0.919 (6.59)***	62.97***
Индекс политической коррупции	0.9 (5.83)***	74.72***
Коррумпированность общественного сектора	0.871 (5.02)***	72.68***
Коррумпированность режима	0.861 (4.79)***	73.64***
Коррумпированность исполнительной власти	0.804 (3.82)***	74.81***

Примечания: *** p<0.001; ** p<0.01; * p<0.1; в скобках приведены t-value; p-value для χ2 рассчитывались при помощи метода Монте-Карло (B=10000).

Теперь стоит обратиться к рисунку 2, где представлено распределение секстилей разных типов коррупции и числа невооруженных революций в них.

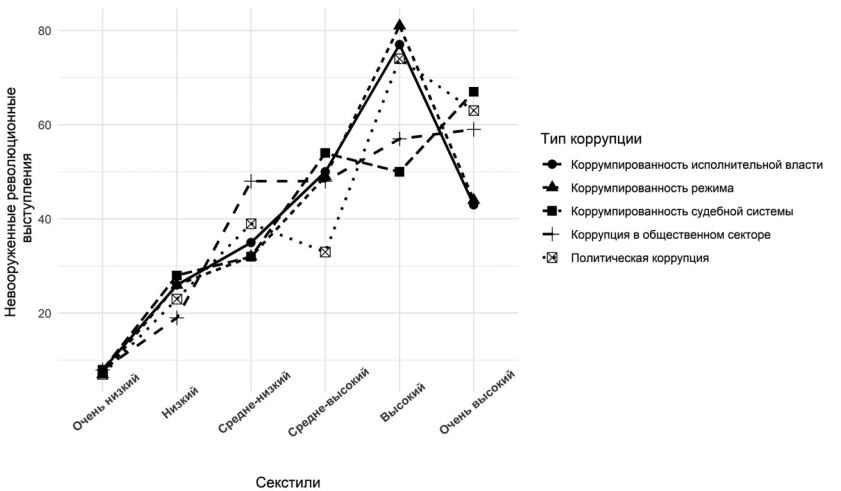

Рис. 2. График распределения невооруженных революционных выступлений по уровням и типам коррупции

Пиком нестабильности для всех типов коррупции за исключением коррумпированности судебной системы и коррупции в общественном секторе является высокий уровень коррупции, в то время как на очень высоком уровне наблюдается резкое падение частоты эпизодов невооруженных революционных выступлений (коррумпированность исполнительной власти и режима) и более плавное падение для политической коррупции. Для коррупции в общественном секторе при этом мы не наблюдаем значительного роста количества невооруженных выступлений после достижения высокого уровня коррупции, и просматриваемая связь является скорее линейной. Коррупция в судебной системе также имеет похожую на линейную зависимость (что объясняет ее наиболее тесную связь в табл. 2), где пиком нестабильности является самый высокий уровень коррупции, что показывает отсутствие потенциала коррупции в судебной системе к «подкупу» политических оппонентов, что также справедливо для госсектора. Наблюдаемая тенденция, при которой коррупция в исполнительной власти, режимная коррупция и политическая коррупция на очень высоких уровнях коррелируют с относительно меньшим количеством эпизодов революционной дестабилизации, может в том числе объясняться механизмом кооптации, при котором потенциальные политические конкуренты фактически «подкупаются» и включаются в действующий режим, что приводит к отсутствию побуждений к антисистемным действиям. В целом данные результаты подтверждают вторую гипотезу о том, что риски невооруженной дестабилизации в зависимости от уровня коррупции растут до определенного момента (высокий уровень), после чего падают (очень высокий уровень).

Для подтверждения найденных нами закономерностей используем регрессионный анализ. Так, в таблице 4 представлены результаты регрессионного анализа, где зависимой переменной является вооруженное революционное выступление. Можно заметить, что выводы, полученные нами при помощи децильного и секстильного анализа, полностью согласуются с тем, что мы получили при регрессионном анализе с контролем на сторонние факторы. Все типы коррупции положительно и значимо связаны с рисков возникновения вооруженного восстания. При этом наибольшей силой обладает коррумпированность судебной системы.

На рисунке 3 представлены предельные эффекты разных типов коррупций на вероятность начала вооруженного выступления, что является визуализацией моделей из таблицы 4. Видно, что все типы коррупции, за исключением судебной, ведут себя крайне схожим образом, монотонно увеличивая риск начала вооруженного выступления. В свою очередь, прирост коррупции в судебной системе сильнее увеличивает вероятность начала события.

Таблица 4

Логистическая регрессия «редких событий» на вооруженные революционные выступления (log-odds)

	M1	M2	M3	M4	M5
Константа	–10.54 (0.86)***	–10.55 (0.86)***	–10.56 (0.87)***	–10.51 (0.87)***	–11.10 (0.93)***
Население (ln)	0.29 (0.04)***	0.28 (0.04)***	0.29 (0.04)***	0.28 (0.04)***	0.28 (0.04)***
ВВП на душу (ln)	–0.27 (0.08)***	–0.28 (0.08)***	–0.27 (0.08)***	–0.28 (0.08)***	–0.31 (0.08)***
Индекс демократии (t–1)	9.45 (1.37)***	9.16 (1.40)***	9.67 (1.35)***	9.59 (1.37)***	9.46 (1.38)***
[Индекс демократии (t–1)]^2	–10.83 (1.55)***	–10.55 (1.58)***	–11.07 (1.52)***	–11.07 (1.55)***	–10.99 (1.54)***
Коррумпированность режима	0.89 (0.32)**				
Индекс политической коррупции		0.98 (0.34)**			
Коррумпированность исполнительной власти			0.84 (0.32)**		
Коррумпированность общественного сектора				0.81 (0.33)*	
Коррумпированность судебной системы					1.53 (0.55)**
AIC	1941.20	1940.24	1942.01	1943.20	1940.94
nobs	8903	8903	8903	8903	8903

Примечание:***p < 0.001; **p < 0.01; *p < 0.05; в скобках приведены стандартные ошибки.

В таблице 5 представлены результаты логистической аддитивной модели, где контрольные переменные моделируются так же, как и в предыдущей таблице (параметрически), а типы коррупции представляют собой специфическую сглаживающую функции. При этом из таблицы 5 нельзя понять направление связи между типами коррупции и риском невооруженных выступлений, однако отображена их значимость. Так, все типы коррупции значимо влияют на зависимую переменную.

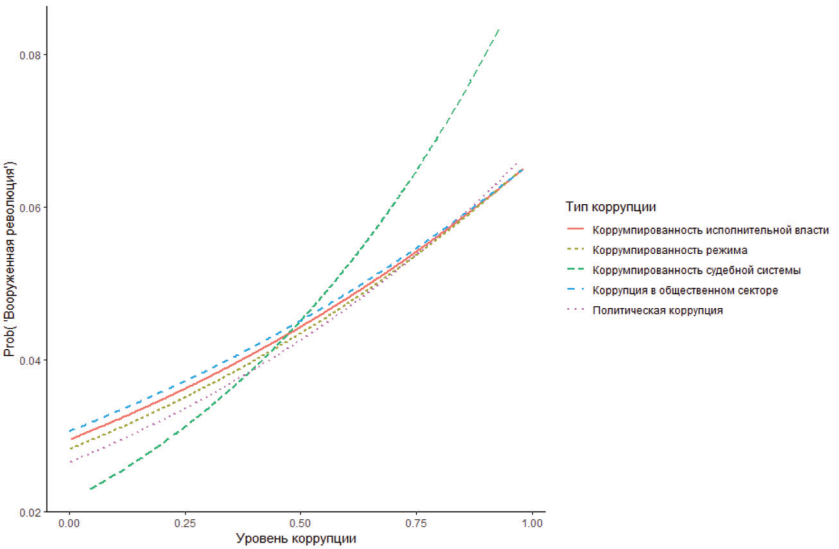

Рис. 3. Предельные эффекты разных типов коррупции на вероятность вооруженного революционного выступления из таблицы 4

Примечание: контрольные переменные включены в расчет эффектов как средние; CI не отображены для читаемости графика.

На рисунке 4 отображены предельные эффекты разных типов коррупций на вероятность начала невооруженного выступления, что является визуализацией моделей из таблицы 5. Видно, что все типы коррупции, за исключением судебной, ведут себя крайне схожим образом, монотонно увеличивая риск начала невооруженного выступления до определенного момента (около 0.75), а потом снижая его, образуя тем самым перевернутую J-кривую. При этом судебная коррупция выбивается из общего тренда, имея логистический тренд: до определенного момента риски растут (около 0.7), а потом стагнируют.

По итогам проведенного анализа мы можем сказать, что нашли убедительные доводы как в поддержку первой гипотезы о том, что более высокие уровни коррупции в целом ассоциируются с большей вероятностью возникновения вооруженной революционной дестабилизации, так и в поддержку второй гипотезы о криволинейной зависимости (перевернутая J-образная кривая) между коррупцией и рисками невооруженной революционной дестабилизации (когда предельно высокие уровни кор-

Таблица 5

Логистическая аддитивная регрессия на невооруженные революционные выступления (*log-odds*)

	M1	M2	M3	M4	M5
Константа	–10.25 (0.86)***	–10.28 (0.86)***	–10.23 (0.86)***	–10.43 (0.86)***	–10.42 (0.85)***
Население (ln)	0.28 (0.04)***	0.28 (0.04)***	0.29 (0.04)***	0.29 (0.05)***	0.28 (0.05)***
ВВП на душу (ln)	0.29 (0.08)***	0.30 (0.08)***	0.29 (0.08)***	0.30 (0.08)***	0.31 (0.08)***
Индекс демократии (t–1)	8.44 (1.43)***	8.59 (1.45)***	8.30 (1.45)***	8.83 (1.43)***	9.26 (1.40)***
[Индекс демократии (t–1)]^2	–9.58 (1.65)***	–9.75 (1.66)***	–9.34 (1.67)***	–9.93 (1.65)***	–10.71 (1.58)***
Коррумпированность режима	4.59**				
Индекс политической коррупции		4.67**			
Коррумпированность исполнительной власти			4.92**		
Коррумпированность общественного сектора				5.01**	
Коррумпированность судебной системы					1.94**
AIC	1935.29	1935.06	1934.97	1935.94	1939.78
nobs	8903	8903	8903	8903	8903

Примечание:***p < 0.001; **p < 0.01; *p < 0.05; в скобках приведены стандартные ошибки. Типы коррупции моделируются как сглаживающие функции, вместо коэффициентов приведены EDF (effective degrees of freedom), которые не показывают направление связи.

рупции могут оказывать ингибирующее влияние на вероятность невооруженных революций).

Дискуссия и заключение

Представленное исследование показывает, что коррупция является важным фактором, который потенциально может влиять на революционную дестабилизацию: в странах с более высоким уровнем коррупции намного чаще наблюдаются революционные эпизоды, причем это характерно для эпизодов как вооруженного, так и невооруженного типа.

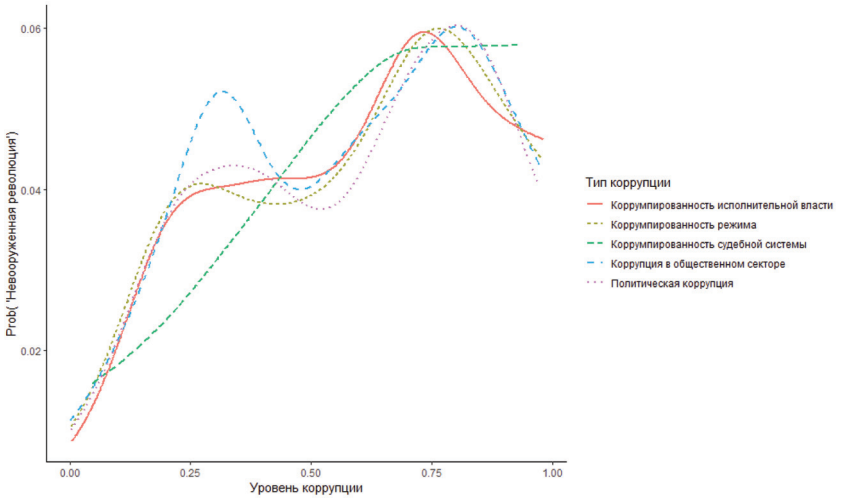

Рис. 4. Предельные эффекты разных типов коррупции на вероятность невооруженного революционного выступления из таблицы 5

Примечание: контрольные переменные включены в расчет эффектов как средние; CI не отображены для читаемости графика.

Мы также отмечаем, что для разных типов революционной дестабилизации характерны разные механизмы взаимосвязи с уровнями коррупции. Если для вооруженной революционной дестабилизации характерна линейная связь, что может в том числе объясняться условиями непримиримого противостояния[1], в которых она протекает, то для революционной дестабилизации невооруженного типа связь носит скорее нелинейный характер в виде перевернутой J-образной кривой, что может объясняться механизмом кооптации, в соответствии с которым очень высокий уровень коррупции может служить способом повышения лояльности элит и тем самым предотвращать элитные расколы и антисистемные выступления.

Наблюдаемые различия в связях между разными типами коррупции и вероятностью начала революционных выступлений могут иметь разные объяснения. Высокий уровень коррупции в государственном секторе может служить показателем необеспеченности многих государственных

[1] Условия противостояния на идеологической, этнокультурной или религиозной почве.

служащих, что может повышать вероятность раскола элит, в связи с чем мы наблюдаем достаточно строгую линейную зависимость между данным типом коррупции и двумя типами дестабилизации. Коррумпированность судебной системы вряд ли может использоваться в качестве механизма кооптации, так как она не предполагает значимого перераспределения благ в сторону потенциальных оппонентов или элиты, в связи с чем в случае невооруженной дестабилизации высокие значения коррумпированности не ведут к падению рисков дестабилизации. Политическая коррупция, коррупция в исполнительной власти и коррумпированность режима имеют более отчетливую криволинейную связь в виде перевернутой J-образной кривой с невооруженной дестабилизацией, так как именно эти виды коррупции могут предполагать наличие определенных преференций, повышающих лояльность элит и контрэлит (что, однако, не работает в случае с вооруженной дестабилизацией).

Подобные объяснения тем не менее требуют дальнейших исследований, так как помимо коррупции на революционную дестабилизацию оказывает влияние огромное количество неструктурных и непрогнозируемых факторов. Как отмечал Дж. Голдстоун, исследование революций схоже с работой геологов: они, зная общие закономерности, могут указать на место повышенного риска землетрясения, но предсказать его, как правило, невозможно. То же самое стоит сказать и про нашу работу: зная, как коррупция влияет на риски нестабильности, мы выявляем общие закономерности, но «это не означает, что мы можем точно предсказать, когда та или иная страна испытает революционные потрясения» (Голдстоун 2017: 35). Революции — крайне редкие и слабо прогнозируемые явления, поэтому для их понимания опираться на одни только структурные факторы (будь то уровень коррупции или ВВП на душу населения) нельзя.

Библиография

Голдстоун Дж.А. (2017) *Революции. Очень краткое введение*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Голдстоун Дж.А., Гринин Л.Е., Устюжанин В.В., Коротаев А.В. (2023) Революционные события XXI века: предварительный количественный анализ. *Полис,* 4 (в печати).

Голдстоун Дж.А., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (2021) Волны революций XXI столетия. *Полис. Политические исследования*, 4: 108–119.

Гринберг Р.С., Коротаев А.В., Билюга С.Э., Быканова Д.А. (2017) К количественному анализу коррупции как фактора политической дестабилизации. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 8: 170–185.

Гринин Л.Е. (2012) Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 3: 188–223.

Гринин Л.Е. (2013) Государство и кризисы в процессе модернизации. *Философия и общество*, 3: 29–59.

Гринин Л.Е. (2017) Русская революция и ловушки модернизации. *Полис. Политические исследования*, 4:138–155

Гринин Л.Е. (2020) Сложилась ли в Америке революционная ситуация. *Век глобализации*, 3: 31–44.

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (2020) Методологические пояснения к исследованию революционных событий. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 11: 854–861.

Гринин Л.Е. (2021) Незрелость модернизирующихся обществ как фактор возможной дестабилизации в странах Афразийской зоны нестабильности. Гринин Л.Е., Хайруллин Т.Р. (ред.) *Перспективы процессов дестабилизации на Ближнем Востоке, в Северной Африке, в Сахеле и на Африканском Роге: материалы конференции*. М.: Учитель: 46–59.

Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. (2016) *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. М.: Учитель.

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (2017) *Глобальный кризис в ретроспективе: краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена*. 3-е изд. М.: Ленанд; URSS.

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (2021) Революционные события XXI века и теория революции. Методологические пояснения. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 12: 543–567.

Жданов А.И. (2020) Угрозы деконсолидации либеральной демократии: определение магистрального пути эрозии демократического режима на примере Соединенных Штатов Америки. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков,* 11: 15–30.

Жданов А.И., Коротаев А. (2022) Выборы, тип режима и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа. *Социология власти*, 34(4): 102–127.

Коротаев А.В., Гринин Л.Е., Малков С.Ю., Исаев Л.М., Билюга С.Э., Шишкина А.Р., Иванов Е.А., Мещерина К.В., Васькин И.А., Медведев И.А., Романов Д.М. (2021а) *Катализаторы политических переворотов: от акций протеста к смене власти. Анализ и моделирование процессов дестабилизации на примере модернизирующихся социально-политических систем.* М.: Ленанд; URSS, 2021.

Коротаев А.В., Гринин Л.Е., Малков С.Ю., Исаев Л.М., Филин Н.А., Билюга С.Э., Зинькина Ю.В., Слинько Е.В., Шишкина А.Р., Шульгин С.Г., Мещерина К.В., Айсин М.Б., Иванов Е.А., Кокликов В.О., Медведев И.А., Романов Д.М., Слав М., Сойер П.С. (2021б) *Социально-политическая дестабилизация в странах афразийской макрозоны нестабильности: количественный анализ и прогнозирование рисков*. М.: Ленанд; URSS.

Коротаев А.В., Гринин Л.Е., Медведев И.А., Слав М. (2022) Типы политических режимов и риски революционной дестабилизации в XXI веке. *Социологическое обозрение*, 21(4): 9–65.

Коротаев, А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. (2015) Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. *Социологические исследования,* 8 (376): 119–127.

Коротаев А.В., Исаев Л.М., Мардасов А.Г. (2019) Протесты 2019 г. в Египте. Предварительный анализ. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков,* 10: 518–534.

Коротаев А.В., Шишкина А.Р., Балтач А.А. (2019) Относительная депривация как фактор социально-политической дестабилизации: опыт количественного анализа. *Полис. Политические исследования,* 2: 107–122.

Коротаев А.В., Цирель С.В., Билюга С.Э. (2019) Коррупция, ценности и попытки насильственных изменений государственной власти в странах с различным уровнем ВВП на душу населения: опыт количественного компаративного и корреляционного анализа. *Сравнительная политика,* 1: 98–123.

Костин М.С. (2020) Революционные эпизоды и движения XXI века в некоторых странах Восточной Европы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков,* 11: 931–943.

Макаренко Б.И. (2005) «Цветные революции» в контексте демократического транзита. *Мир перемен*, 3: 107–124.

Малков С.Ю., Коротаев А.В., Исаев Л.М., Кузьминова Е.В. (2013) О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны. *Полис. Политические исследования*, 4: 137–162

Медведев И.А., Коротаев А.В. (2021) Структурные факторы мирной и вооруженной революционной смены власти: опыт анализа методами машинного обучения. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 12: 145–189.

Медведев И.А., Сойер П.С., Коротаев А.В. (2020) К применению методов машинного обучения для ранжирования факторов дестабилизации. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 11: 397–432.

Медведев И.А., Устюжанин В.В., Жданов А.И., Коротаев А.В. (2022) Применение методов машинного обучения для ранжирования факторов и прогнозирования невооруженной и вооруженной революционной дестабилизации в афразийской макрозоне нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 13: 131–210.

Слав М., Коротаев А.В. (2021) К регрессионному анализу рисков революционной дестабилизации в афразийской макрозоне нестабильности в XXI веке. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 12: 219–241.

Устюжанин В.В., Гринин Л.Е., Медведев И.А., Коротаев А.В. (2022) Образование и революции. Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму? *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 1: 50–71.

Устюжанин В.В., Жодзишская П.А., Коротаев А.В. (2022) Демографические факторы как предикторы революционных ситуаций. Опыт количественного анализа. *Социологический журнал,* 28 (4): 34–59.

Устюжанин В.В., Степанищева Я.В., Галлямова А.А., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (2023) Образование и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение,* 22(1): 98–128.

Устюжанин В.В., Михеева В.А., Сумерников И.А., Коротаев А.В. (2023) Экономические истоки революций: связь между ВВП и рисками революционных выступлений. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 1: 64–87.

Acemoglu D., Verdier T. (1998) Property rights, corruption and the allocation of talent: a general equilibrium approach. *The Economic Journal*, 108(450): 1381–1403.

Ackerman P., Karatnycky A. (2005) *How freedom is won: From civic resistance to durable democracy*. New York: Freedom House.

Adi A., Lilleker D.G. (2017) *#rezist — Romania's 2017 anti-corruption protests: causes, development and implications*. Berlin: Quadriga University of Applied Sciences.

Albrecht H., Koehler K. (2020) Revolutionary mass uprisings in authoritarian regimes. *International Area Studies Review,* 23(2): 135–159.

Andvig J.C., Fjeldstad O.H., Amundsen I., Sissener T., Søreide T. (2001) *Corruption. A review of contemporary research.* CMI Report. Bergen: Chr. Michelsen Institute.

Arezki R., Gylfason, T. (2013) Resource rents, democracy, corruption and conflict: Evidence from sub-Saharan Africa. *Journal of African Economies*, 22(4): 552–569.

Asal V., Findley M., Piazza J.A., Walsh J.I. (2016) Political exclusion, oil, and ethnic armed conflict. *Journal of Conflict Resolution*, 60(8): 1343–1367.

Banks A.S., Wilson K.A. (2022) *Cross-National Time-Series Data Archive (CNTS)*. Databanks International. Jerusalem, Israel [https://www.cntsdata.com] (дата обращения: 18.03.2023).

Bardhan P. (1996) *The Economics of Corruption in Less Developed Countries: A Review of the Issues.* Paris: OECD Development Centre.

Basedau M., Pfeiffer B., Vüllers J., (2016) Bad religion? Religion, collective action, and the onset of armed conflict in developing countries. *Journal of Conflict Resolution*, 60(2): 226–255.

Beissinger M. R. (2022) *The revolutionary city: Urbanization and the global transformation of rebellion*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Besançoo M. L. (2005) Relative resources: Inequality in ethnic wars, revolutions, and genocides. *Journal of Peace Research*, 42(4): 393–415.

Bjorvatn K., Farzanegan M.R., (2015) Resource rents, balance of power, and political stability. *Journal of Peace Research*, 52(6): 758–773.

Brancati D. (2014) "Pocketbook protests: Explaining the emergence of pro-democracy protests worldwide." *Comparative Political Studies,* 47(11): 1503–1530.

Brancati D. (2016) *Democracy protests*. Cambridge: Cambridge University Press.

Butcher C., Svensson I. (2016) Manufacturing dissent: Modernization and the onset of major nonviolent resistance campaigns. *Journal of Conflict Resolution,* 60(2): 311–339.

Celestino M.R., Gleditsch K.S. (2013) Fresh carnations or all thorn, no rose? Nonviolent campaigns and transitions in autocracies. *Journal of Peace Research*, 50(3): 385–400.

Ceva E., Ferretti M.P. (2021) *Political Corruption: The Internal Enemy of Public Institutions*. Oxford: Oxford University Press.

Chang E., Golden M.A. (2010) Sources of corruption in authoritarian regimes. *Social Science Quarterly*, 91(1): 1–20.

Chenoweth E., Shay C.W. (2020) List of Campaigns in NAVCO 1.3. Cambridge (MA): Harvard Dataverse [https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/ON9XND] (дата обращения: 18.03.2023).

Chenoweth E., Ulfelder J. (2017) Can structural conditions explain the onset of nonviolent uprisings? *Journal of Conflict Resolution*, 61(2): 298–324.

Chenoweth E., Stephan M.J. (2011) *Why civil resistance works: The strategic logic of nonviolent conflict*. New York, NY: Columbia University Press.

Cherif Y. (2017). Tunisia: activism on the rise. In: Youngs R., Youssef C., Halawa H., MJ V., von Bülow M., Zhnioglu Ö. (eds.) *Global civic activism in flux*. New York, NY: Carnegie Endowment for International Peace: 37–41.

Chong C., Ming Tee C., Cheng S.V. (2020) Political institutions and the control of corruption: a cross-country evidence. *Journal of Financial Crime* 28(1): 26–48.

Cincotta R., Weber H. (2021) Youthful age structures and the risks of revolutionary and separatist conflicts. In: Goerres A., Vanhuysse P. (eds.) *Global Political Demography: The Politics of Population Change*. Cham: Springer: 57–92.

Coppedge M., Gerring J., Knutsen C., Lindberg S., Teorell J., Altman D., Bernhard M., Fish S., Glynn A., Hicken A., Lührmann A., Marquardt K., McMann K., Paxton P., Pemstein D., Seim B., Sigman R., Skaaning S., Staton J., Wilson S., Cornell A., Gastaldi L., Gjerløw H., Ilchenko N., Krusell J., Maxwell L., Mechkova V., Medzihorsky J., Pernes J., von Römer J., Stepanova N., Sundström A., Tzelgov A., Wang Y., Wig T., Ziblatt D. (2023a). *V-Dem Codebook v13*. Gothenburg: Gothenburg University. [https://www.v-dem.net/documents/24/codebook_v13.pdf] (дата обращения: 18.03.2023).

Coppedge M., Gerring J., Knutsen C., Lindberg S., Teorell J., Altman D., Bernhard M., Fish S., Glynn A., Hicken A., Lührmann A., Marquardt K., McMann K., Paxton P., Pemstein D., Seim B., Sigman R., Skaaning S., Staton J., Wilson S., Cornell A., Gastaldi L., Gjerløw H., Ilchenko N., Krusell J., Maxwell L., Mechkova V., Medzihorsky J., Pernes J, von Römer J., Stepanova N., Sundström A., Tzelgov A., Wang Y., Wig T., Ziblatt D. (2023b). *V-Dem Dataset — Version 13.* Gothenburg: Gothenburg University. [https://www.v-dem.net/en/data/data/v-dem-dataset/] (дата обращения: 18.03.2023).

Dahl M., Gates S., Gleditsch K., Gonzalez B. (2021) Accounting for numbers: Group characteristics and the choice of violent and nonviolent tactics. *Economics of Peace and Security Journal,* 16(1): 5–25.

Dzhumashev R. (2014) The two-way relationship between government spending and corruption and its effects on economic growth. *Contemporary Economic Policy*, 32(2): 403–419.

Fabiana M., Scartascini C., Tommasi M. (2011) Political Institutions and Street Protests in Latin America. *The Journal of Conflict Resolution*, 55(3): 340–365.

Fjelde H. (2009) Buying peace? Oil wealth, corruption and civil war, 1985–99. *Journal of Peace Research*, 46(2): 199–218.

Fjelde H., Hegre H. (2014) Political corruption and institutional stability. *Studies in Comparative International Development,* 49: 267–299.

Gandhi J., Przeworski A. (2006) Cooperation, cooptation, and rebellion under dictatorships. *Economics & Politics*, 18(1): 1–26.

Gleditsch K.S., Mauricio R. (2017) The diffusion of nonviolent campaigns. *Journal of Conflict Resolution,* 61(5): 1120–1145.

Gleditsch K.S., Macías-Medellín M., Rivera M. (2023) A Double-Edge Sword? Mass Media and Nonviolent Dissent in Autocracies. *Political Research Quarterly,* 76(1): 224–238.

Goel R.K., Nelson M.A. (2021) Direct and indirect influences of political regimes on corruption. *Social Science Quarterly*, 102(4): 1569–1589.

Goldstone J.A. (2001) Toward a fourth generation of revolutionary theory. *Annual review of political science*, 4(1): 139–187.

Goldstone J.A. (2004) More social movements or fewer? Beyond political opportunity structures to relational fields. *Theory and society*, 33(3): 333–365.

Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (2022a). Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events. In: Goldstone J., Grinin L.E., Korotayev A.V. (eds.) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 1–33.

Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (2022b). The phenomenon and theories of revolutions. In: Goldstone J., Grinin L. E., Korotayev A.V. (eds.) *Handbook of revolutions in the 21st century: The new waves of revolutions, and the causes and effects of disruptive political change*. Cham: Springer: 37–68.

Goldstone J.A., Bates R.H., Epstein D.L., Gurr T.R., Lustik M.B., Marshall M.G., Ulfelder J., Woodward M. (2010) A global model for forecasting political instability. *American journal of political science*, *54*(1): 190–208.

Grinin L. (2022) Revolutions and modernization traps. In: Goldstone J., Grinin L.E., Korotayev A.V. (eds.) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 219–238.

Grinin L. (2013). State and socio-political crises in the process of modernization. *Social Evolution & History*, 12(2): 35–76.

Grinin L.E., Korotayev A.V. (2022a). The Arab Spring: Causes, Conditions, and Driving Forces In: Goldstone J., Grinin L. , Korotayev A. (eds.) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 595–624.

Grinin L., Korotayev A. (2022b). Revolutions, Counterrevolutions, and Democracy. In: Goldstone J., Grinin L. E., Korotayev A.V. (eds.) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 105–136.

Gupta S., Davoodi H., Alonso-Terme R. (2002) Does corruption affect income inequality and poverty? *Economics of governance*, 3(1): 23–45.

Hodge A., Shankar S., Rao D.P., Duhs A. (2011) Exploring the links between corruption and growth. *Review of Development Economics*, 15(3): 474–490.

Ives B., Lewis J.S. (2020) From rallies to riots: Why some protests become violent. *Journal of Conflict Resolution*, 64(5): 958–986.

Jetter M., Agudelo A., Hassan A. (2015) The effect of democracy on corruption: Income is key. *World Development*, 74: 286–304.

Jong-Sung Y., Sanjeev K. (2005) A comparative study of inequality and corruption. *American sociological review*, 70(1): 136–157.

Justesen M.K., Bjørnskov C. (2014) Exploiting the poor: bureaucratic corruption and poverty in Africa. *World Development*, 58: 106–115

Kadivar M.A., Ketchley N. (2018) Sticks, stones, and Molotov cocktails: Unarmed collective violence and democratization. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World Volume,* 4: 1–16.

Keller F. (2012) (Why) Do Revolutions Spread? APSA 2012 Annual Meeting Paper. *APSA* [https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2108790] (дата обращения: 5.03.2023).

Kim N. K., Kroeger A. M. (2019) Conquering and coercing: Nonviolent anti-regime protests and the pathways to democracy. *Journal of Peace Research*, 56(5), 650–666.

Knutsen C. H. (2014) Income Growth and Revolutions: Income Growth and Revolutions. *Social Science Quarterly*, 95(4): 920–937.

Kolstad I., Wiig A. (2016) Does democracy reduce corruption? *Democratization*, *23*(7): 1198–1215.

Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. (2015) Center-periphery dissonance as a possible factor of the revolutionary wave of 2013–2014: A cross-national analysis. *Cross-Cultural Research,* 49(5): 461–488.

Korotayev A.V., Issaev L.M., Malkov S.Yu., Shishkina A.R. (2014) The Arab Spring: A Quantitative Analysis. *Arab Studies Quarterly,* 36(2): 149–169.

Korotayev A., Shishkina A. (2020) Relative Deprivation as a Factor of Socio-political Destabilization: Toward a Quantitative Comparative Analysis of the Arab Spring Events. *Cross-Cultural Research,* 54(2–3): 296–318.

Korotayev A., Vaskin I., Romanov D. (2021) Terrorism and Democracy. A Reconsideration. *Comparative Sociology,* 20(3): 344–379.

Kosmidis I., Firth D. (2009) Bias reduction in exponential family nonlinear models. *Biometrika*, 96: 793–804.

Lambsdorff J. (2006) Causes and consequences of corruption: What do we know from a cross-section of countries? In: Rose-Ackerman Susan (eds.) *International Handbook on the Economics of Corruption.* Edward Elgar Publishing: 3–51.

Lawson G. (2019) *Anatomies of revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.

Le Billon P. (2003) Buying peace or fuelling war: the role of corruption in armed conflicts. *Journal of International Development: The Journal of the Development Studies Association*, 15(4): 413–426.

Levitsky S., Way L. (2002) Elections without democracy: The rise of competitive authoritarianism. *Journal of democracy*, 13(2): 51–65.

Machado F., Scartascini C., Tommasi M. (2009) Political institutions and street protests in Latin America. *Journal of Conflict Resolution,* 55(3): 340–365.

Massoud T.G., Doces J., Magee C. (2019) Protests and the Arab Spring: An empirical investigation. *Polity,* 51(3): 429–465.

Mauro P. (1995) Corruption and growth. *The quarterly Journal of Economics*, 110(3): 681–712.

McFaul M. (2005) Transitions from postcommunism. *Journal of democracy*, 16(3): 5–19.

Mitchell L.A. (2022) The Color Revolutions. Successes and Limitations of Nonviolent Protest. In: Goldstone J., Grinin L., Korotayev A. (eds.) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 105–138.

Mitchell L.A. (2012) *The color revolutions*. Philadelphia, PN: University of Pennsylvania Press.

Morris S. (2011) Forms of Corruption. *CESifo DICE Report,* 9(2): 10–14.

Neudorfer N.S., Theuerkauf U.G. (2014) Buying war not peace: The influence of corruption on the risk of ethnic war. *Comparative Political Studies*, 47(13): 1856–1886.

Nur-Tegin K., Czap H.J. (2012) Corruption: Democracy, autocracy, and political stability. *Economic Analysis and Policy*, 42(1): 51–66.

Nye J.S. (1967) Corruption and Political Development: A CostBenefit Analysis. *American Political Science Review,* 61(2): 417–27.

Okada K., Samret S. (2017) Corruption and natural resource rents: evidence from quantile regression. *Applied Economics Letters*, 24(20): 1490–1493.

Oliveira W. (2021) Anti-corruption protests, alliance system and political polarization. *Civitas-Revista de Ciências Sociais*, 20: 439–453.

Oritz I., Burke S., Berrada M., Cortes H. (2022) *World Protests A Study of Key Protest Issues in the 21st Century*. Cham: Springer Nature.

Paldam M. (2002) The cross-country pattern of corruption: economics, culture and the seesaw dynamics. *European Journal of Political Economy*, 18(2): 215–240.

Paldam M. (2002) The cross-country pattern of corruption: economics, culture and the seesaw dynamics. *European Journal of Political Economy*, 18(2): 215–240.

Pellegata A. (2013) Constraining political corruption: an empirical analysis of the impact of democracy. *Democratization*, 20(7): 1195–1218.

Policardo L., Carrera E. (2018) Corruption causes inequality, or is it the other way around? An empirical investigation for a panel of countries. *Economic Analysis and Policy*, 59: 92–102.

Rozov N.S. (2022) Typology and principles of dynamics of revolutionary waves in world history. In: Goldstone J., Grinin L., Korotayev A. (eds.) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 241–264.

Sánche A., Goda T. (2018) Corruption and the 'Paradox of Redistribution'. *Social Indicators Research*, 140(2): 675–693.

Sandholtz W., Koetzle W. (2000) Accounting for corruption: economic structure, democracy, and trade. *International Studies Quarterly*, 44(1): 31–50.

Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A. (2017) Regime Type and Political Destabilization in Cross-National Perspective: A Re-Analysis. *Cross-Cultural Research,* 51(1): 26–50.

Smith B. (2017) Resource wealth as rent leverage: Rethinking the oil-stability nexus. *Conflict Management and Peace Science*, 34(6): 597–617.

Stephan M.J., Chenoweth E. (2008) Why civil resistance works: The strategic logic of nonviolent conflict. *International security*, 33(1): 7–44.

Stradiotto G.A., Guo S. (2010) Transitional modes of democratization and democratic outcomes. *International Journal on World Peace*, 27(4): 5–40.

Svensson J. (2005) Eight questions about corruption. *Journal of economic perspectives*, 19(3): 19–42.

Szakonyi D. (2022) Corruption and Cooptation in Autocracy: Evidence from Russia. *SSRN* [https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4308351] (дата обращения: 12.03.2023).

Treisman D. (2000) The causes of corruption: a cross-national study. *Journal of public economics*, 76(3): 399–457.

Tucker J.A. (2007) Enough! Electoral fraud, collective action problems, and post-communist colored revolutions. *Perspectives on politics,* 5(3): 535–551.

Uberti L.J. (2022) Corruption and growth: Historical evidence, 1790–2010. *Journal of Comparative Economics*, 50(2): 321–349.

Ustyuzhanin V., Korotayev A. (2023) Revolutions and Democracy: Can Democracies Prevent Revolutionary Armed Violence? *Comparative Sociology*, 22(1): 95–137.

von Bülow M. (2017). Brazil: New activism, changing politics. In: Youngs R., Youssef C., Halawa H., MJ V., von Bülow M., Zhnioglu Ö. (eds.) *Global civic activism in flux*. Carnegie Endowment for International Peace: 7–12.

Williamson C. (2009) Informal institutions rule: institutional arrangements and economic performance. *Public Choice,* 139: 371–387.

Wimmer A., Cederman L. Min B. (2009) Ethnic Politics and Armed Conflict: A Configurational Analysis of a New Global Data Set. *American Sociological Review*, 74: 316–337.

Wood S.N. (2003) Thin plate regression splines. *Journal of the Royal Statistical Society: Series B (Statistical Methodology)*, 65(1): 95–114.

World Bank (2023) World Development Indicators: GDP per capita, PPP (constant 2017 international $). *World Bank* [https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD] (дата обращения: 18.03.2023).

Zhdanov A., Korotayev A. (2022) Factors of Deconsolidation of a Liberal Democratic Regime: The Case of the United States. *Cliodynamics*, 13(1): 1–34.

CORRUPTION AND REVOLUTIONARY DESTABILIZATION: QUANTITATIVE RESEARCH EXPERIENCE

Vadim Ustyuzyhanin [a] (vvustiuzhanin@hse.ru)
Maksim Kostin [a] (maksimkostin333@gmail.com)
Leonid Grinin [ab] (leonid.grinin@gmail.com)
Andrey Korotayev [acd] (akorotayev@gmail.com)

[a] HSE University, Moscow, Russia
[b] Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
[c] Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
[d] Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Citation: Ustyuzyhanin V., Kostin M., Grinin L., Korotayev A. (2023) Korruptsiya i revolyutsionnaya destabilizatsiya: opyt kolichestvennogo analiza [Corruption and revolutionary destabilization: quantitative research experience]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(3): 53–99 (in Russian). https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.3. EDN: YTNMDC

Abstract. The scholars of revolutionary destabilization factors until today have sufficiently studied such revolution onset factors as political regime types, economic growth rates and GDP per capita levels. However, corruption as a destabilization factor remains understudied despite the anti-corruption slogans frequently seen during protest activities. As a number of studies indicates, corruption might have a positive effect on regime stability through the mechanism of counter-elites cooptation and a negative effect by lowering the state effectiveness and increasing inequality. We test the hypotheses on the presence and the direction of possible effects of various corruption types on the one hand, as well as armed and unarmed revolutionary destabilization on the other. Having conducted correlation analysis of the relationship, we come to a conclusion on the fairly significant positive correlation between all corruption and revolutionary destabilization

types. Using cross-tables we have also found that armed and unarmed destabilization has different relations with corruption: the relations are more linear for armed revolutionary uprisings and curvilinear for the unarmed. The results of this research allow drawing some conclusions of theoretical nature with regards to corruption influence on various revolutionary destabilization types and confirm the necessity to account for corruption in the quantitative models of revolutionary destabilization factors. The causal mechanisms between the two phenomena, however, require further scrutiny. In conclusion, we present a number of questions for discussion that might become a base for further research on the nexus between corruption and revolutionary destabilization.

Keywords: corruption, revolution, protests, nonviolent campaigns, violent campaigns, counter-elite cooptation.

References

Acemoglu D., Verdier T. (1998) Property rights, corruption and the allocation of talent: a general equilibrium approach. *The Economic Journal*, 108(450): 1381–1403.

Ackerman P., Karatnycky A. (2005) *How freedom is won: From civic resistance to durable democracy*. New York: Freedom House.

Adi A., Lilleker D.G. (2017) *#rezist — Romania's 2017 anti-corruption protests: causes, development and implications*. Berlin: Quadriga University of Applied Sciences.

Albrecht H., Koehler K. (2020) "Revolutionary mass uprisings in authoritarian regimes." *International Area Studies Review,* 23(2): 135–159.

Andvig J.C., Fjeldstad O.H., Amundsen I., Sissener T., Søreide T. (2001) *Corruption. A review of contemporary research.* CMI Report. Bergen: Chr. Michelsen Institute.

Arezki R., Gylfason, T. (2013) Resource rents, democracy, corruption and conflict: Evidence from sub-Saharan Africa. *Journal of African Economies*, 22(4): 552–569.

Asal V., Findley M., Piazza J.A., Walsh J.I. (2016) Political exclusion, oil, and ethnic armed conflict. *Journal of Conflict Resolution*, 60(8): 1343–1367.

Banks A.S., Wilson K.A. (2022) *Cross-National Time-Series Data Archive (CNTS)*. Databanks International. Jerusalem, Israel [https://www.cntsdata.com] (accessed: 18.03.2023).

Bardhan P. (1996) *The Economics of Corruption in Less Developed Countries: A Review of the Issues. OECD* Development Centre, Paris.

Basedau M., Pfeiffer B., Vüllers J., (2016) Bad religion? Religion, collective action, and the onset of armed conflict in developing countries. *Journal of Conflict Resolution*, 60(2): 226–255.

Beissinger M.R. (2022) *The revolutionary city: Urbanization and the global transformation of rebellion*. Princeton University Press.

Besanço M.L. (2005) Relative resources: Inequality in ethnic wars, revolutions, and genocides. *Journal of peace research*, 42(4): 393–415.

Bjorvatn K., Farzanegan M.R., (2015) Resource rents, balance of power, and political stability. *Journal of Peace Research*, 52(6): 758–773.

Brancati D. (2014) "Pocketbook protests: Explaining the emergence of pro-democracy protests worldwide." *Comparative Political Studies,* 47(11): 1503–1530.

Brancati D. (2016) *Democracy protests*. Cambridge University Press.

Butcher C., Svensson I. (2016) Manufacturing dissent: Modernization and the onset of major nonviolent resistance campaigns. *Journal of Conflict Resolution,* 60(2): 311–339.

Celestino M.R., Gleditsch K.S. (2013) Fresh carnations or all thorn, no rose? Nonviolent campaigns and transitions in autocracies. *Journal of Peace Research*, 50(3): 385–400.

Ceva E., Ferretti M.P. (2021) *Political Corruption: The Internal Enemy of Public Institutions*. Oxford University Press.

Chang E., Golden M.A. (2010) Sources of corruption in authoritarian regimes. *Social Science Quarterly*, 91(1): 1–20.

Chenoweth E., Shay C.W. (2020) List of Campaigns in NAVCO 1.3. Cambridge (MA): Harvard Dataverse [https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/ON9XND] (accessed: 18.03.2023).

Chenoweth E., Stephan M.J. (2011) *Why civil resistance works: The strategic logic of nonviolent conflict*. Columbia University Press.

Chenoweth E., Ulfelder J. (2017) Can structural conditions explain the onset of nonviolent uprisings? *Journal of Conflict Resolution*, 61(2): 298–324.

Cherif Y. (2017). Tunisia: activism on the rise. In: Youngs R., Youssef C., Halawa H., MJ V., von Bülow M., Zhnioglu Ö. (eds.) *Global civic activism in flux*. Carnegie Endowment for International Peace: 37–41.

Chong C., Ming Tee C., Cheng S.V. (2020) Political institutions and the control of corruption: a cross-country evidence. *Journal of Financial Crime* 28(1): 26–48.

Cincotta R., Weber H. (2021) Youthful age structures and the risks of revolutionary and separatist conflicts. In: Goerres A., Vanhuysse P. (eds.) *Global Political Demography: The Politics of Population Change*. Cham: Springer: 57–92.

Coppedge M., Gerring J., Knutsen C., Lindberg S., Teorell J., Altman D., Bernhard M., Fish S., Glynn A., Hicken A., Lührmann A., Marquardt K., McMann K., Paxton P., Pemstein D., Seim B., Sigman R., Skaaning S., Staton J., Wilson S., Cornell A., Gastaldi L., Gjerløw H., Ilchenko N., Krusell J., Maxwell L., Mechkova V., Medzihorsky J., Pernes J., von Römer J., Stepanova N., Sundström A., Tzelgov A., Wang Y., Wig T., Ziblatt D. (2023a). *V-Dem Codebook v13*. Gothenburg: Gothenburg University. [https://www.v-dem.net/documents/24/codebook_v13.pdf] (accessed: 18.03.2023).

Coppedge M., Gerring J., Knutsen C., Lindberg S., Teorell J., Altman D., Bernhard M., Fish S., Glynn A., Hicken A., Lührmann A., Marquardt K., McMann K., Paxton P., Pemstein D., Seim B., Sigman R., Skaaning S., Staton J., Wilson S., Cornell A., Gastaldi L., Gjerløw H., Ilchenko N., Krusell J., Maxwell L., Mechkova V., Medzihorsky J., Pernes J, von Römer J., Stepanova N., Sundström A., Tzelgov A., Wang Y., Wig T., Ziblatt D. (2023b). *V-Dem Dataset — Version 13.* Gothenburg: Gothenburg University. [https://www.v-dem.net/en/data/data/v-dem-dataset/] (accessed: 18.03.2023).

Dahl M., Gates S., Gleditsch K., Gonzalez B. (2021) Accounting for numbers: Group characteristics and the choice of violent and nonviolent tactics. *Economics of Peace and Security Journal,* 16(1): 5–25.

Dzhumashev R. (2014) The two-way relationship between government spending and corruption and its effects on economic growth. *Contemporary Economic Policy*, 32(2): 403–419.

Fabiana M., Scartascini C., Tommasi M. (2011) Political Institutions and Street Protests in Latin America. *The Journal of Conflict Resolution*, 55(3): 340–365.

Fjelde H. (2009) Buying peace? Oil wealth, corruption and civil war, 1985–99. *Journal of peace research*, 46(2): 199–218.

Fjelde H., Hegre H. (2014) Political corruption and institutional stability. *Studies in Comparative International Development,* 49: 267–299.

Gandhi J., Przeworski A. (2006) Cooperation, cooptation, and rebellion under dictatorships. *Economics & Politics*, 18(1): 1–26.

Gleditsch K.S., Macías-Medellín M., Rivera M. (2023) A Double-Edge Sword? Mass Media and Nonviolent Dissent in Autocracies. *Political Research Quarterly,* 76(1): 224–238.

Gleditsch K.S., Mauricio R. (2017) The diffusion of nonviolent campaigns. *Journal of Conflict Resolution,* 61(5): 1120–1145.

Goel R.K., Nelson M.A. (2021) Direct and indirect influences of political regimes on corruption. *Social Science Quarterly*, 102(4): 1569–1589.

Goldstone J.A. (2001) Toward a fourth generation of revolutionary theory. *Annual review of political science*, 4(1): 139–187.

Goldstone J.A. (2004) More social movements or fewer? Beyond political opportunity structures to relational fields. *Theory and society*, 33(3): 333–365.

Goldstone J.A. (2017) *Revolyucii. Ochen kratkoe vvedenie* [Revolutions. A very short introduction]. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara (in Russian).

Goldstone J.A., Bates R.H., Epstein D.L., Gurr T.R., Lustik M.B., Marshall M.G., Ulfelder J., Woodward M. (2010) A global model for forecasting political instability. *American journal of political science*, 54(1): 190–208.

Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (2022a). Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events. In: Goldstone J., Grinin L.E., Korotayev A.V. (eds.) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 1–33.

Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (2022b). The phenomenon and theories of revolutions. In: Goldstone J., Grinin L. E., Korotayev A.V. (eds.) *Handbook of revolutions in the 21st century: The new waves of revolutions, and the causes and effects of disruptive political change*. Cham: Springer International Publishing: 37–68.

Goldstone J.A., Grinin L.E., Korotaev A.V. (2021) Volny revolyucij XXI stoletiya [Revolutionary waves of the 21st century]. *Polis*, 4: 108–119 (in Russian).

Goldstone J.A., Grinin L.E., Ustyuzhanin V.V., Korotaev A.V. (2023) Revolyucionnye sobytiya XXI veka: predvaritel'nyj kolichestvennyj analiz. [Revolutionary events of the 21st century: preliminary quantitative analysis]. *Polis*, 4 (in print) (in Russian).

Grinberg R.S., Korotaev A.V., Bilyuga S.E., Bykanova D.A. (2017) K kolichestvennomu analizu korrupcii kak faktora politicheskoj destabilizacii [On quantitative analysis of corruption as a political destabilization factor]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov* [System monitoring of global and regional risks], 8: 170–185 (in Russian).

Grinin L. (2013). State and socio-political crises in the process of modernization. *Social Evolution & History*, 12(2): 35–76.

Grinin L. (2022) Revolutions and modernization traps. In: Goldstone J., Grinin L.E., Korotayev A.V. (eds.) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of*

Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. Cham: Springer: 219–238.

Grinin L., Korotayev A. (2022b). Revolutions, Counterrevolutions, and Democracy. In: Goldstone J., Grinin L. E., Korotayev A.V. (eds.) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 105–136.

Grinin L.E. (2012) Arabskaya vesna i rekonfiguraciya Mir-Sistemy [Arab Spring and World-System reconfiguration]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov* [System monitoring of global and regional risks], 3: 188–223 (in Russian).

Grinin L.E. (2013) Gosudarstvo i krizisy v processe modernizacii [State and crises during modernization processes]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 3: 29–59 (in Russian).

Grinin L.E. (2017) Russkaya revolyuciya i lovushki modernizacii [Russian Revolution and modernization traps]. *Polis*, 4: 138–155 (in Russian).

Grinin L.E. (2020) Slozhilas' li v Amerike revolyucionnaya situaciya [Has the revolutionary situation occurred in America?]. *Vek globalizacii* [Globalization century], 3: 31–44 (in Russian).

Grinin L.E. (2021) Nezrelost' moderniziruyushchihsya obshchestv kak faktor vozmozhnoj destabilizacii v stranah Afrazijskoj zony nestabil'nosti [Immaturity of modernizing societies as a factor of possible destabilization in he Afrasian instability zone] In: Grinin L.E., Hajrullin T.R. (eds.) *Perspektivy processov destabilizacii na Blizhnem Vostoke, v Severnoj Afrike, v Sahele i na Afrikanskom Roge: materialy konferencii* [Prospects of destabilization processes in the Middle East, North Africa, Sahel and the Horn of Africa: conference materials]. Moscow: Uchitel' Publ.: 46–59 (in Russian).

Grinin L.E., Isaev L.M., Korotaev A.V. (2016) *Revolyucii i nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke* [Revolutions and instability in the Middle East]. Moscow: Uchitel' Publ. (in Russian).

Grinin L.E., Korotaev A.V. (2017) *Global'nyj krizis v retrospektive: Kratkaya istoriya pod"emov i krizisov: ot Likurga do Alana Grinspena* [Global crisis in retrospect: a brief history of rise and fall from Likurg to Alan Greenspan]. 3rd ed. Moscow: Lenand Publ.; URSS Publ. (in Russian).

Grinin L.E., Korotaev A.V. (2020) Metodologicheskie poyasneniya k issledovaniyu revolyucionnyh sobytij [Methodological clarifications to the research of revolutionary events]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov* [System monitoring of global and regional risks], 11: 854–861 (in Russian).

Grinin L.E., Korotaev A.V. (2021) Revolyucionnye sobytiya XXI veka i teoriya revolyucii. Metodologicheskie poyasneniya [Revolutionary events of the 21st century: theory of revolution, methodological clarifications]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov* [System monitoring of global and regional risks], 12: 543–567 (in Russian).

Grinin L.E., Korotayev A.V. (2022a). The Arab Spring: Causes, Conditions, and Driving Forces In: Goldstone J., Grinin L. , Korotayev A. (eds.) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 595–624.

Gupta S., Davoodi H., Alonso-Terme R. (2002) Does corruption affect income inequality and poverty? *Economics of governance*, 3(1): 23–45.

Hodge A., Shankar S., Rao D.P., Duhs A. (2011) Exploring the links between corruption and growth. *Review of Development Economics*, 15(3): 474–490.

Ives B., Lewis J.S. (2020) From rallies to riots: Why some protests become violent. *Journal of Conflict Resolution*, 64(5): 958–986.

Jetter M., Agudelo A., Hassan A. (2015) The effect of democracy on corruption: Income is key. *World Development*, 74: 286–304.

Jong-Sung Y., Sanjeev K. (2005) A comparative study of inequality and corruption. *American sociological review*, 70(1): 136–157.

Justesen M.K., Bjørnskov C. (2014) Exploiting the poor: bureaucratic corruption and poverty in Africa. *World Development*, 58: 106–115

Kadivar M.A., Ketchley N. (2018) Sticks, stones, and Molotov cocktails: Unarmed collective violence and democratization. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World Volume,* 4: 1–16.

Keller F. (2012) (Why) Do Revolutions Spread? APSA 2012 Annual Meeting Paper. *APSA* [https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2108790] (accessed: 5.03.2023)

Kim N.K., Kroeger A.M. (2019) Conquering and coercing: Nonviolent anti-regime protests and the pathways to democracy. *Journal of Peace Research*, 56(5), 650–666.

Knutsen C. H. (2014) Income Growth and Revolutions: Income Growth and Revolutions. *Social Science Quarterly*, 95(4): 920–937.

Kolstad I., Wiig, A. (2016) Does democracy reduce corruption? *Democratization*, 23(7): 1198–1215.

Korotayev A.V., Isaev L.M., Vasilyev A.M. (2015) Kolichestvennyj analiz revolyucionnoj volny 2013–2014 gg. [Quantitative analysis of 2013-2014 Revolutionary Wave]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 8: 119–127 (in Russian).

Korotayev A.V., Cirel S.V., Bilyuga S.E. (2019) Korrupciya, cennosti i popytki nasil'stvennyh izmenenij gosudarstvennoj vlasti v stranah s razlichnym urovnem VVP na dushu naseleniya: opyt kolichestvennogo komparativnogo i korrelyacionnogo analiza [Corruption, Human Values and Attempts of Violent Changes of Government in Countries with Various Levels of Per Capita GDP: A Comparative Quantitative Analysis]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics], 1: 98–123 (in Russian).

Korotayev A.V., Grinin L.E., Malkov S.Y., Isaev L.M., Bilyuga S.E., Shishkina A.R., Ivanov E.A., Meshcherina K.V., Vaskin I.A., Medvedev I.A., Romanov D.M. (2021a) *Katalizatory politicheskih perevorotov: ot akcij protesta k smene vlasti. Analiz i modelirovanie processov destabilizacii na primere moderniziruyushchihsya social'no-politicheskih system* [Catalysts of political coups: from protests to power alteration. Analysis and modelling of destabilization on the modernizing socio-political systems' example]. Moscow: Lenand Publ.; URSS Publ. (in Russian).

Korotayev A.V., Grinin L.E., Malkov S.Y., Isaev L.M., Filin N.A., Bilyuga S.E., Zinkina Y.V., Slin'ko E.V., Shishkina A.R., Shulgin S.G., Meshcherina K.V., Aysin M.B., Ivanov E.A., Koklikov V.O., Medvedev I.A., Romanov D.M., Slav M., Sojer P.S. (2021b) Social'no-politicheskaya destabilizaciya v stranah afrazijskoj makrozony nestabil'nosti: kolichestvennyj analiz i prognozirovanie riskov [Socio-political destabilization in the states of Afrasian instability macrozone: quantitative analysis and risks forecast]. Moscow: Lenand Publ.; URSS Publ. (in Russian).

Korotayev A.V., Grinin L.E., Medvedev I.A., Slav M. (2022) Tipy politicheskih rezhimov i riski revolyucionnoj destabilizacii v XXI veke [Political Regime Types and Revolutionary Destabilization Risks in the Twenty-First Century]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian sociological review], 21(4): 9–65 (in Russian).

Korotayev A.V., Isaev L.M., Mardasov A.G. (2019) Protesty 2019 g. v Egipte. Predvaritel'nyj analiz [2019 protests in Egypt. Preliminary analysis]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov* [System monitoring of global and regional risks], 10: 518–534 (in Russian).

Korotayev A.V., Shishkina A.R., Baltach A.A. (2019) Otnositel'naya deprivaciya kak faktor social'no-politicheskoj destabilizacii: opyt kolichestvennogo analiza [Relative Deprivation as a Factor of Socio-Political Destabilization: Towards the Quantitative Analysis of the Arab Spring]. *Polis*, 2: 107–122 (in Russian).

Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. (2015) Center-periphery dissonance as a possible factor of the revolutionary wave of 2013–2014: A cross-national analysis. *Cross-Cultural Research,* 49(5): 461–488.

Korotayev A., Shishkina A. (2020) Relative Deprivation as a Factor of Sociopolitical Destabilization: Toward a Quantitative Comparative Analysis of the Arab Spring Events. *Cross-Cultural Research,* 54(2–3): 296–318.

Korotayev A., Vaskin I., Romanov D. (2021) Terrorism and Democracy. A Reconsideration. *Comparative Sociology,* 20(3): 344–379.

Korotayev A.V., Issaev L.M., Malkov S.Yu., Shishkina A.R. (2014) The Arab Spring: A Quantitative Analysis. *Arab Studies Quarterly,* 36(2): 149–169.

Kosmidis I., Firth D. (2009) Bias reduction in exponential family nonlinear models. *Biometrika*, 96: 793–804.

Kostin M.S. (2020) Revolyucionnye epizody i dvizheniya XXI veka v nekotoryh stranah Vostochnoj Evropy [Revolutionary episodes and movements in XXI century in several Eastern European states]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov* [System monitoring of global and regional risks], 11: 931–943 (in Russian).

Lambsdorff J. (2006) Causes and consequences of corruption: What do we know from a cross-section of countries? In: Rose-Ackerman Susan (eds.) *International Handbook on the Economics of Corruption.* Edward Elgar Publishing: 3–51.

Lawson G. (2019) *Anatomies of revolution*. Cambridge University Press.

Le Billon P. (2003) Buying peace or fuelling war: the role of corruption in armed conflicts. *Journal of International Development: The Journal of the Development Studies Association*, 15(4): 413–426.

Levitsky S., Way L. (2002) Elections without democracy: The rise of competitive authoritarianism. *Journal of democracy*, 13(2): 51–65.

Machado F., Scartascini C., Tommasi M. (2009) Political institutions and street protests in Latin America. *Journal of Conflict Resolution,* 55(3): 340–365.

Makarenko B.I. (2005) "Cvetnye revolyucii" v kontekste demokraticheskogo tranzita [„Color Revolutions" in the context of democratic transition]. *Mir peremen* [World of changes], 3: 107–124 (in Russian).

Malkov S.Y., Korotaev A.V., Isaev L.M., Kuzminova E.V. (2013) O metodike ocenki tekushchego sostoyaniya i prognoza social'noj nestabil'nosti: opyt kolichestvennogo analiza sobytij Arabskoj vesny [On Methods of Estimating Current Condition and of

Forecasting Social Instability: Attempted Quantitative Analysis of the Events of the Arab Spring]. *Polis*, 4: 137–162 (in Russian).

Massoud T.G., Doces J., Magee C. (2019) Protests and the Arab Spring: An empirical investigation. *Polity,* 51(3): 429–465.

Mauro P. (1995) Corruption and growth. *The quarterly journal of economics*, 110(3): 681–712.

McFaul M. (2005) Transitions from postcommunism. *Journal of democracy*, 16(3): 5–19.

Medvedev I.A., Korotaev A.V. (2021) Strukturnye faktory mirnoj i vooruzhennoj revolyucionnoj smeny vlasti: opyt analiza metodami mashinnogo obucheniya [Structural factors of peaceful and armed revolutionary change of power: the experience of machine learning analysis]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov* [System monitoring of global and regional risks], 12: 145–189 (in Russian).

Medvedev I.A., Sawyer P.S., Korotayev A.V. (2020) K primeneniyu metodov mashinnogo obucheniya dlya ranzhirovaniya faktorov destabilizacii [On machine learning methods for destabilization factors ranking]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov* [System monitoring of global and regional risks], 11: 397–432 (in Russian).

Medvedev I.A., Ustyuzhanin V.V., Zhdanov A.I., Korotaev A.V. (2022) Primenenie metodov mashinnogo obucheniya dlya ranzhirovaniya faktorov i prognozirovaniya nevooruzhennoj i vooruzhennoj revolyucionnoj destabilizacii v afrazijskoj makrozone nestabil'nosti [Machine learning methods application for armed and unarmed revolutionary destabilization factors in Afrasian instability macrozone: ranking and predictions]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov* [System monitoring of global and regional risks], 13: 131–210 (in Russian).

Mitchell L. A. (2022) The Color Revolutions. Successes and Limitations of Nonviolent Protest. In: Goldstone J., Grinin L., Korotayev A. (eds.) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 105–138.

Mitchell L.A. (2012) *The color revolutions*. Philadelphia, PN: University of Pennsylvania Press.

Morris S. (2011) Forms of Corruption. *CESifo DICE Report,* 9(2): 10–14

Neudorfer N.S., Theuerkauf U.G. (2014) Buying war not peace: The influence of corruption on the risk of ethnic war. *Comparative Political Studies*, 47(13): 1856–1886.

Nur-Tegin K., Czap H.J. (2012) Corruption: Democracy, autocracy, and political stability. *Economic Analysis and Policy*, 42(1): 51–66.

Nye J.S. (1967) Corruption and Political Development: A CostBenefit Analysis. *American Political Science Review,* 61(2): 417–27.

Okada K., Samret S. (2017) Corruption and natural resource rents: evidence from quantile regression. *Applied Economics Letters*, 24(20): 1490–1493.

Oliveira W. (2021) Anti-corruption protests, alliance system and political polarization. *Civitas-Revista de Ciências Sociais*, 20: 439–453.

Oritz I., Burke S., Berrada M., Cortes H. (2022) *World Protests A Study of Key Protest Issues in the 21st Century*. Cham: Springer Nature.

Paldam M. (2002) The cross-country pattern of corruption: economics, culture and the seesaw dynamics. *European Journal of Political Economy*, 18(2): 215–240.

Paldam M. (2002) The cross-country pattern of corruption: economics, culture and the seesaw dynamics. *European Journal of Political Economy*, 18(2): 215–240.

Pellegata A. (2013) Constraining political corruption: an empirical analysis of the impact of democracy. *Democratization*, 20(7): 1195–1218.

Policardo L., Carrera E. (2018) Corruption causes inequality, or is it the other way around? An empirical investigation for a panel of countries. *Economic Analysis and Policy*, 59: 92–102.

Rozov N.S. (2022) Typology and principles of dynamics of revolutionary waves in world history. In: Goldstone J., Grinin L., Korotayev A. (eds.) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 241–264.

Sánche A., Goda T. (2018) Corruption and the 'Paradox of Redistribution'. *Social Indicators Research*, 140(2): 675–693.

Sandholtz W., Koetzle W. (2000) Accounting for corruption: economic structure, democracy, and trade. *International Studies Quarterly*, 44(1): 31–50.

Slav M., Korotaev A.V. (2021) K regressionnomu analizu riskov revolyucionnoj destabilizacii v afrazijskoj makrozone nestabil'nosti v XXI veke [On regression analysis of revolutionary destabilization risks in Afrazian instability macrozone]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov* [System monitoring of global and regional risks], 12: 219–241 (in Russian).

Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A. (2017) Regime Type and Political Destabilization in Cross-National Perspective: A Re-Analysis. *Cross-Cultural Research,* 51(1): 26–50.

Smith B. (2017) Resource wealth as rent leverage: Rethinking the oil–stability nexus. *Conflict Management and Peace Science*, 34(6): 597–617.

Stephan M. J., Chenoweth E. (2008) Why civil resistance works: The strategic logic of nonviolent conflict. *International security*, 33(1): 7–44.

Stradiotto G.A., Guo S. (2010) Transitional modes of democratization and democratic outcomes. *International Journal on World Peace*, 27(4): 5–40.

Svensson J. (2005) Eight questions about corruption. *Journal of economic perspectives*, 19(3): 19–42.

Szakonyi D. (2022) Corruption and Cooptation in Autocracy: Evidence from Russia. *SSRN* [https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4308351] (accessed: 12.03.2023).

Treisman D. (2000) The causes of corruption: a cross-national study. *Journal of public economics*, 76(3): 399–457.

Tucker J.A. (2007) Enough! Electoral fraud, collective action problems, and post-communist colored revolutions. *Perspectives on politics,* 5(3): 535–551.

Uberti L.J. (2022) Corruption and growth: Historical evidence, 1790–2010. *Journal of Comparative Economics*, 50(2): 321–349.

Ustyuzhanin V. V., Grinin L. E., Medvedev I. A., Korotayev A. V. (2022) Obrazovanie i revolyucii. Pochemu revolyucionnye vystupleniya prinimayut vooruzhennuyu ili nevo-oruzhennuyu formu? [Education and Revolutions. Why do some revolutions take up arms while others do not?] *Polietia: Analiz. Hronika. Prognoz* [Politia: Analysis, Chronicle, Forecast], 1: 50–71 (in Russian).

Ustyuzhanin V., Korotayev A. (2023). Revolutions and Democracy: Can Democracies Prevent Revolutionary Armed Violence? *Comparative Sociology*, 22(1): 95–137.

Ustyuzhanin V.V., Miheeva V.A., Sumernikov I.A., Korotayev A.V. (2023) Ekonomicheskie istoki revolyucij: svyaz' mezhdu VVP i riskami revolyucionnyh vystuplenij [Economic Origins of Revolutions: the link between GDP and revolutionary risks]. *Politeia: Analiz. Hronika. Prognoz* [Politia: Analysis, Chronicle, Forecast], 1: 64–87 (in Russian).

Ustyuzhanin V., Stepanishcheva Y., Gallyamova A., Grinin L., Korotayev A. (2023) Obrazovanie i riski revolyutsionnoy destabilizatsii: opyt kolichestvennogo analiza [Education and Revolutionary Destabilization Risks: A Quantitative Analysis]. *Sociologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 22(1): 98–128 (in Russian).

Ustyuzhanin V., Zhodzishskaya P., Korotayev A. (2022) Demograficheskie faktory kak prediktory revolyucionnyh situacij. Opyt kolichestvennogo analiza [Demographic Factors as Predictors of Revolutionary Situations: Experience in Quantitative Analysis]. *Sotsiologicheskiy Zhurnal* [Sociological Journal], 28(4): 34–59 (in Russian).

von Bülow M. (2017). Brazil: New activism, changing politics. In: Youngs R., Youssef C., Halawa H., MJ V., von Bülow M., Zhnioglu Ö. (eds.) *Global civic activism in flux*. Carnegie Endowment for International Peace: 7–12.

Williamson C. (2009) Informal institutions rule: institutional arrangements and economic performance. *Public Choice,* 139: 371–387

Wimmer A., Cederman L., Min B. (2009) Ethnic Politics and Armed Conflict: A Configurational Analysis of a New Global Data Set. *American Sociological Review*, 74: 316–337.

Wood S.N. (2003) Thin plate regression splines. *Journal of the Royal Statistical Society: Series B (Statistical Methodology)*, 65(1): 95–114.

World Bank (2023) World Development Indicators: GDP per capita, PPP (constant 2017 international $). *World Bank* [https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD] (accessed: 18.03.2023)

Zhdanov A., Korotayev A. (2022) Factors of Deconsolidation of a Liberal Democratic Regime: The Case of the United States. *Cliodynamics,* 13(1): 1–34.

Zhdanov A.I. (2020) Ugrozy dekonsolidacii liberal'noj demokratii: opredelenie magistral'nogo puti erozii demokraticheskogo rezhima na primere Soedinennyh Shtatov Ameriki [Deconsolidation threats to liberal democracies: the determination of the main path of democratic regimes erosion on the USA example]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov* [System monitoring of global and regional risks], 11: 15–30 (in Russian).

Zhdanov A.I., Korotaev A. (2022) Vybory, tip rezhima i riski revolyucionnoj destabilizacii: opyt kolichestvennogo analiza [Elections, Regime Type and Risks of Revolutionary Destabilization. A Quantitative Analysis]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of power], 34(4): 102–127 (in Russian).